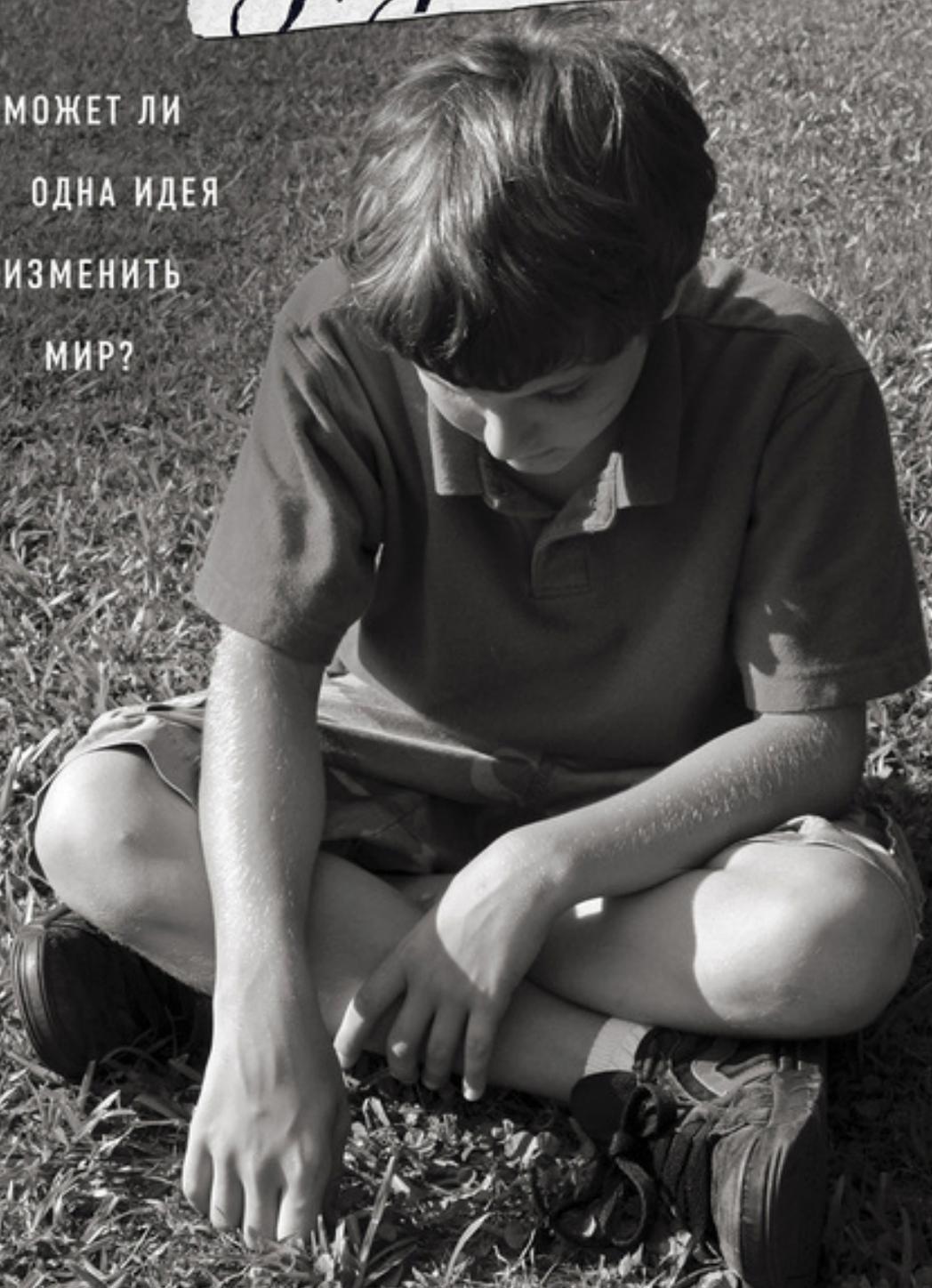

К Э Т Р И Н Р А Й А Н Х А Й Д

запомни

другому

МОЖЕТ ЛИ
ОДНА ИДЕЯ
ИЗМЕНИТЬ
МИР?

Спешите делать добро

Кэтрин Хайд
Заплаты другому

«ЭКСМО»

1999

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Хайд К. Р.

Заплати другому / К. Р. Хайд — «Эксмо»,
1999 — (Спешите делать добро)

ISBN 978-5-699-94133-9

Представьте себе, что бескорыстно помогаете человеку и просите его отблагодарить вместо вас трех других людей, которые, в свою очередь, помогут еще троим. И так тепло и доброта станут распространяться по всей планете. Насколько действенной может оказаться такая простая на первый взгляд идея? Двенадцатилетний Тревор решает проверить это и начинает цепочку добрых дел, надеясь изменить мир, пусть даже ценой собственной жизни.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-94133-9

© Хайд К. Р., 1999
© Эксмо, 1999

Содержание

Предисловие к пятнадцатому, юбилейному изданию	6
Пролог	10
Глава 1	13
Глава 2	19
Глава 3	25
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 6	39
Глава 7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Кэтрин Райан Хайд Заплати другому

Вэнс посвящается¹

* * *

Catherine Ryan Hyde
Pay It Forward

Originally published by Simon & Schuster, Inc.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 1999 by Catherine Ryan Hyde

Introduction copyright © 2014 by Catherine Ryan Hyde

© Мисюченко В., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Э“»,
2018

---

¹ Речь идет о Вэнс Хайд (1922–2012) – матери Кэтрин Райан Хайд. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Предисловие к пятнадцатому, юбилейному изданию

Шел 1978 год. Поздно вечером я вела машину, стареющий, неухоженный «Датсун» (перевозку для тех, кто помоложе: «Ниссан») по мерзкой окрестности Лос-Анджелеса. Одна.

Неразумно, понимаю. Но я жила в неблагополучном районе, так что выбор у меня был невелик. Всем нам приходится добираться домой.

Пришлось остановиться на светофоре у съезда с шоссе к озеру парка «Эхо». Я нажала педаль тормоза, и двигатель заглох. Вам это может показаться несуразным, зато меня такое ничуть не удивило. Двигатель всегда глох, стоило мне снять ногу с газа.

Видите ли, в 1978-м я была молода. И когда я была молода, имелась у меня определенная теория. Я считала, что обойдется дешевле, если просто пользоваться машиной и никогда не возить ее к механику. Знакомые неизменно смеялись, когда я утверждала так, зато для меня это было преисполнено смысла. Техосмотры стоят денег. Стало быть, «не возить» равнозначно «беречь деньги». Верно? Такая обычная для юных лет теория, которая и впрямь здорово действует до того самого дня, когда перестает работать дальше.

Таким и был тот день.

Я взялась за ключ зажигания, чтобы завестись снова. И тут вдруг... все погасло. Электрика в машине отрубилась. Фары. Подфарники. Раз – и нету.

Потом я заметила струйку дыма.

Мне почти незачем распространяться дальше, чтобы вы поняли: это плохая весть в моей истории. Дым никогда не сулит ничего хорошего в рассказах о вождении машин. А этот конкретный дым пробивался из-под панели управления со стороны водителя. Не нужно иметь среднее образование (или быть дорогостоящим механиком), чтобы сообразить, что проникает он через противопожарный экран из-под капота и скоро заполнит салон, где сидела я.

Уверена, вы понимаете (испытали вы такое на себе или нет – не важно): когда едешь по мерзкой окрестности поздно вечером, одна, то испытываешь сильное побуждение не покидать машину. Заперев все двери. Если только эта самая машина не заполняется дымом. Это уже иллюстрация для учебника о нахождении между молотом и наковальней.

Я выскочила вон.

Подняв голову, увидела двух мужчин, абсолютных незнакомцев, бегущих в мою сторону. Очень быстро. Один из них держал в руках одеяло.

В голове заплясало множество мыслей. По-моему, первой была: «Завещание я так и не написала». Потом поняла, что это не имеет значения, поскольку нет у меня ничего, да и оставлять некому. Кроме машины. Которая горела.

Наверное, и другие мысли кружились в танце, но смею вас уверить, одна наверняка стояла от танцулек в сторонке: помощь. Безумного представления, что эти мужики, возможно, бегут мне на выручку, к сожалению, не было и в помине.

Один из них, оттолкнув меня, рванул рычаг капота изнутри салона. Другой, мужчина с одеялом, открыл капот, залез едва ли не всем торсом в пылающий двигательный отсек и потушил огонь, используя лишь голые руки да одеяло.

Тут я возьму коротенькую паузу, чтобы подчеркнуть. *Своими* голыми руками. *Мой* пылающий двигатель. Ну, не захватывает ли дух от такого сочетания? Вот и я про то же.

Как раз примерно к тому времени, как мужчины погасили огонь, появились пожарные. Понятия не имею, кто их вызвал.

Происходило это задолго до эпохи сотовых телефонов. Было это еще тогда, когда у нас на дороге стояли колонки экстренного вызова. (Полагаю, они и сейчас есть, только мы на них и внимания не обращаем, поскольку у всех мобильники.) Очевидно, кто-то из ехавших по шоссе за нами увидел, что я попала в беду, остановился и вызвал пожарных. И... должна сказать... кто бы не сделал этого? Большинство из нас уж это-то сделали бы для любого, оказавшегося рядом, верно? Я уж точно вызвала бы пожарных для незнакомца. Только вот залезла бы я всем своим торсом в чужой пылающий автомобиль и загасила ли бы огонь голыми руками?

Вот в чем, конечно же, вопрос вопросов.

Ко времени, когда прибыли пожарные, работы им осталось немного. Они просто помогли мне откатить машину на обочину. И показали, из-за чего огонь занялся, что мне было ни чуточки не интересно. Потом разьяснили, что произошло бы, если бы пламя не загасили. Ничего хорошего. Но вот это было интересно.

Понимаете, хоть нам и не нравится забивать себе голову подобными мыслями, когда мы за рулем (я нисколько не намекаю, что вы это делаете), но автомобиль в собранном виде очень походит на «моловский коктейль». Это большая емкость огнеопасной жидкости с уходящим в нее фитилем (топливопроводом). Запалите фитиль – и неприятность вам обеспечена. Единственное различие в том, что машину не надо брать в руки и швырять куда-то. Ах да, и еще: стоять рядом с автомобилем, когда фитиль подожден, тоже затея не из лучших.

Тогда-то я и поняла, что те двое мужчин, которые, как я думала, стоят у меня за спиной, видимо, спасли гораздо большее, чем просто машину. Видимо, они спасли мне жизнь или, во всяком случае, уберегли от тяжелых увечий. И, поступая так, они подвергали риску собственные жизни.

Я обернулась, чтобы поблагодарить их, и обнаружила, что мужиков уже и след пропал. Пока я беседовала с пожарными, они уехали. А я об этом не знала. Даже спасибо им не сказала. Большого одолжения я в жизни не получала, да еще и от полных незнакомцев. Я знала, что никогда больше их не встречу, потому как Л-А² – город не такой маленький.

Так что прикажете делать с таким огромным одолжением, если нет возможности заплатить за него?

Многие, услышав от меня эту историю, спрашивают: «Значит, вы хотите сказать, что, если бы те двое не остановились в тот вечер, вся эта затея „Заплати другому“ никогда не случилась бы?» А я отвечаю:

«Я еще на шаг дальше пойду. Если бы они не уехали, не попрощавшись, не было бы никакого романа „Заплати другому“».

А если бы не было никакого романа «Заплати другому», не было бы ни фильма «Заплати другому», ни фонда, ни движения. Если бы те два незнакомца остались и приняли мою признательность, возможно, я просто записала бы их имена и каждый год слала бы им поздравления с праздниками до конца наших с ними естественных жизней. И считалось бы, что этого вполне достаточно.

Однако они уехали, не простившись.

Поразительно, но мне удалось починить машину. (Да, я нарушила свое правило и отвезла ее в сервис.) А потом вновь стала раскатывать на ней по всяким шоссе целыми днями. Только что-то изменилось.

Я.

---

² Лос-Анджелес.

Неожиданно я стала одним глазком поглядывать на обочину дороги, высматривая, не слетел ли кто с нее или не попал в какую иную беду. Я знала: увижу такое и остановлюсь. И, конечно же, так и делала.

Хотя прежде – никогда.

То самое проявление доброты переменяло меня.

Добрые поступки меняют людей. Маленькие меняют людей на малый лад. Достаточно большие способны целиком изменить ход человеческой жизни. Только, будь они большими или маленькими, я не знаю случая, чтобы это не дало результата.

Годы спустя я всерьез решила стать писателем, а еще через год-другой «Заплати другому» всерьез решило стать рукописью. Роман стал фильмом в тот же год, когда вышла книга. Не прошло еще и года, как образовался фонд «Заплати другому». И почти сразу же появилось движение под тем же названием. Поначалу небольшое движение. На самом деле, оно так и не сделалось огромным. Зато и не пропало никогда тоже.

Меня часто спрашивают, руководила ли мною мысль, что люди действительно станут готовы «заплатить другому». Честный ответ: нет. В то время я была новичком, еще не публиковавшимся автором. Большой мечтой для меня было нечто вроде: «Пожалуйста, позвольте мне увидеть это в книжном магазине». Была у меня одна дикая фантазия, та, поделиться которой я постыдилась бы с кем угодно: может быть, люди поиграют с этой идеей месяц или два, прежде чем вновь вернуться к своим жизням. То было прекраснотушное мечтанье. Я никак не ожидала, что оно осуществится.

Если бы меня попросили назвать самое удивительное, что я нашла во всем феномене «Заплати другому», так это факт, что в течение пятнадцати лет он не рассыпался сам собой. Он не спустил пары. По сути, он окреп. Поначалу я думала, что этому способствовала реклама книги и фильма, напоминавшая людям: заплати другому. Однако каждый год приносил мне все больше историй из реальной жизни о доброте, которой «заплатили другому».

Если честно, я вижу тому единственное объяснение: доброта способна пускать свои собственные корни.

Другими словами, доброта деятельна.

Многие говорят, что идея «Заплати другому» стара, как сама история. Соглашусь и одновременно не соглашусь с этим. Да, идея изменить мир посредством того, что отдаешь, древняя. Конечно же, я и не пытаюсь вменить себе в заслугу изобретение доброты. Моя задумка состояла в том, чтобы придать ей новый поворот, способ побуждать доброту «ловить на самое себя», насколько мне известно, еще никогда не предлагался. Если спросить кого угодно: «Что такое „заплати другому“?» – то обычно в ответ услышишь что-то вроде: «Ты делаешь что-нибудь хорошее кому-то, а они потом делают что-то хорошее кому-то еще». Однако когда вы будете читать эту книгу, вы увидите, что существует и еще один план. Выстраивается геометрическая прогрессия. Действительно так: вы делаете что-нибудь хорошее трем людям, а потом они делают что-нибудь хорошее еще трем людям. Каждый.

У меня была мысль взять «схему пирамиды» или «схему Понци»³ и поставить ее с ног на голову. В обычной пирамиде все большие массы людей втягиваются в слои ее основания, с тем чтобы содержать того, кто на вершине. В нашем же случае положивший начало цепочке «заплати другому» ничего не просит взамен. В выигрыше оказывается все разрастающееся в геометрической прогрессии основание пирамиды. И оно просто продолжает расти.

Я по-прежнему убеждена, что это может получиться по той же причине, по какой «схема Понци» обречена на провал: население планеты не настолько велико, чтобы предо-

---

³ Чарльз Понци (1882–1949) – итальянский «пирамидостроитель», основатель «схемы Понци». В юности эмигрировал в США, создав одну из самых хитроумных и оригинальных финансовых пирамид, которая потом была названа в его честь.

ставить достаточное количество людей, готовых слать деньги тому, кто на вершине пирамиды. Зато геометрически прогрессирующая доброта может разрастаться бесконечно, поскольку никто не станет отказываться от получения множественных проявлений доброты. Ей достаточно просто не иссякать.

Значит... возможно ли, что эта идея повернет ключ и выведет изменение мира на более высокий уровень? Как сказать... в нашем мире, где может произойти всякое, оно обычно не происходит. Однако, что бы ни стало с идеей «заплати другому» (куда бы ни двинулась она дальше после пятнадцати добрых лет), ее проявления могут быть направлены только к одному – к лучшему. Доброта никогда не сделает мир ни на чуточку хуже, чем он есть.

Думаю, говоря об изменении мира, важно не ставить невыполнимых целей. У нас порой возникает такое чувство, что, если нам не под силу полностью переменить мир, то и незачем вообще хлопотать о том, чтобы что-то менять. Нет-нет, я не прошу вас поверить, что «Заплати другому» изменит мир полностью. Не хочу сказать, что все до единого ринутся примкнуть и неохваченными не останутся ни один мужчина, ни одна женщина, ни один ребенок. Но что плохого в малых изменениях мира, если альтернатива им – никаких перемен вообще? Или – кто знает? Может, они будут среднего размера. Я не считаю чем-то важным заранее знать, насколько велики будут добрые дела. Мы понимаем: от них станет лучше, а не хуже, – так чего ж еще нам надо, чтобы начать?

Как говорит в конце пролога персонаж моего романа Крис Чандлер: «Не так много нужно, чтобы изменить весь мир к лучшему. Можно начать с самого обыкновенного. Можно начать с того мира, в каком живешь».

Прошло пятнадцать лет после выхода книги в свет, больше тридцати пяти лет после того случая, а меня все спрашивают, неужели те двое, кто спас меня, так никогда и не явились откуда ни возьмись, чтобы принять мою признательность?

Ответ: нет. Так и не явились. Возможно, они и не слышали об этой истории. Может быть, тот случай больше значил для меня, чем для них, и они забыли. Только у меня все еще нет возможности отблагодарить их, и я все еще настроена «заплатить другому».

Потом меня часто спрашивают, что бы я сказала, если бы они объявились?

Ответ на этот вопрос прост. Сказала бы я немного. Больше показала бы, чем сказала. Показала бы им самую первую книгу, а также издание в серии «Для юных читателей» и это новое издание. Фильм, фонд, движение по всему миру. Показала бы им сотни, если не тысячи историй из реальной жизни, о которых сообщалось в новостях.

Потом сказала бы просто: «Посмотрите, чему вы положили начало».

Пролог

— октябрь 2002 года —

Может быть, придет день и у меня будут свои дети. Надеюсь. Если будут, то, наверное, спросят, какова была моя роль в движении, которое изменило мир. И, поскольку я уже не тот, каким был когда-то, я расскажу им правду. Роль моя была – никакая. Я не сделал ничего. Я был всего лишь тем малым в уголке, что строчит себе в блокнотике.

Меня зовут Крис Чандлер, и я журналист, занимающийся собственными расследованиями. Или, по крайней мере, был им. Пока не выяснил, что у действий есть последствия и не все мне подвластно. Пока не понял: я вовсе не способен изменить мир, зато обычный с виду двенадцатилетний подросток сумел преобразить его полностью: к лучшему и навсегда, – не опираясь в деятельности ни на что, кроме собственного альтруизма, одной благой идеи и пары годков времени. И великой жертвы.

А еще на всплеск огласки в прессе. Вот тут-то и был мой выход.

Могу рассказать, как все началось.

Началось это с одного учителя, переехавшего в городок Атаскадеро, штат Калифорния, преподавать обществоведение учащимся младших классов средней школы. Учителя никто толком не знал, поскольку у него было невыносимое лицо. Поскольку глядеть на его лицо стоило большого труда.

Началось с мальчика, в котором, казалось, и не было ничего примечательного, зато он умел смотреть своему учителю в глаза.

Со школьного задания, которое этот учитель сотню раз давал прежде, не получая в ответ ничего стоящего. Зато это задание, попав в руки тому мальчику, дало возможность заронить семена в почву, после чего уже ничему в мире не суждено было оставаться прежним. Да и не было никого, кто бы желал, чтоб осталось.

Еще могу рассказать, во что это вылилось. По сути, я поведаю историю, которая поможет вам понять, как грандиозно все разрослось.

С неделю назад моя машина заглохла на оживленном перекрестке и никак не заводилась снова, сколько бы раз я ни пытался это сделать. Был час пик, и я, помнится, куда-то спешил. Считал, что у меня важное дело и оно не может ждать. Так вот, стою я посреди перекрестка, устремив взгляд под капот, что было совершенно напрасно, поскольку чинить машины я не умею. Ну что могу я увидеть?

Я такое предчувствовал. Машина была старая. Только что не развалюха.

Сзади подошел какой-то мужчина, незнакомец.

– Давайте-ка уберем ее отсюда в сторонку, – сказал он. – Вот так. Я помогу вам толкать. – Когда мы отвели машину (и себя самих) в безопасное место, незнакомец протянул мне ключи от своей машины. Симпатичная серебристая «Акура», года два всего на ходу. – Можете взять мою, – сказал он.

– Сторгуемся.

Он давал мне автомобиль не взаймы. Он дарил мне его. Взял мой адрес, чтобы прислать документы. И, представьте, прислал, как раз сегодня я получил эти бумаги.

«В последнее время моя жизнь наполнилась щедростью, – говорилось в письме незнакомца, – так почему бы, подумалось, мне не взять вашу старую машину как бы в обмен. Я вполне могу позволить себе что-нибудь новое, так почему же не отдать имеющееся?»

Вот каким великодушным стал мир вокруг. Нет, на самом деле великодушным. И становится еще больше. Это не просто мир, где полный незнакомец отдает мне свою машину в подарок. Это такой мир, в котором день, когда я получил этот подарок, ничем разительно не отличался от остальных дней. Подобная щедрость стала делом обыкновенным. Она стала обыденностью.

Итак, вот что я вполне понимаю, чтобы об этом рассказать: все началось с задания сверх программы по обществоведению и обратилось в мир, где никто не ходит голодным, никто не мерзнет, нет никого, кому отказали бы в работе, в том, чтобы подвезти, дать взаймы.

И все же поначалу людям нужно было знать больше. Как-то не хватало того, что мальчишка, едва подросток, оказался способен изменить мир. Надо было уяснить, почему именно в тот момент мир смог измениться, почему он не изменился моментом раньше, что привнес Тревор в этот момент и почему это оказалось именно тем самым, чего тот момент требовал.

И это та часть истории, объяснить которую я, к сожалению, не в силах.

Я был там. Шаг за шагом прошел этот путь. Заглядывал во все неподходящие места. Я видел в этом лишь журналистский материал – и только он имел значение. Я был привязан к Тревору, но, когда привязался к нему по-настоящему, было уже слишком поздно. Я считал, что моя работа заботила меня, но не понимал, *что* на самом деле она значила, пока ей не пришел конец. Я хотел заработать кучу денег. Ну, кучу денег я заработал. И все раздал.

Не знаю, кем я был тогда, зато знаю, кто я сейчас.

Тревор и меня переменял.

Я думал, Рубен знает все ответы. Рубен Сент-Клер, учитель, заваривший всю эту кашу. Он был ближе к Тревору, чем кто бы то ни было, разве что за исключением матери мальчика, Арлин. И Рубен заглядывал, по-моему, во все подходящие места. И, я уверен, он не был равнодушным.

Так вот, после того как моим делом фактически стало написание книг об этом движении, я задал Рубену два важных вопроса.

– Что было такого в Треворе, что отличало его от остальных? – спросил я.

Рубен подумал хорошенько, потом сказал:

– В Треворе было то, что во всем он был точно такой же, как и любой другой, за исключением того единственного, в чем он не походил ни на кого.

Я даже не стал спрашивать, что это было за «единственное». Я учусь.

Потом я спросил:

– Когда вы впервые задали это, ныне ставшее знаменитым, задание, думали ли вы, что один из ваших учеников и в самом деле изменит мир?

И Рубен ответил:

– Нет, я думал, что они все это сделают. Только, наверное, не так заметно.

Я становлюсь человеком, задающим меньше вопросов. Не все можно разобрать по косточкам и понять. Не на все отыщется простой ответ. Вот почему я больше не журналист. Когда теряешь интерес к вопросам, ты не у дел. Это в порядке вещей. В своем деле я не был так хорош, каким следовало бы быть. Я не привнес в это дело ничего особенного.

Люди постепенно теряют потребность узнавать почему. Мы быстро привыкаем к переменам, сколько бы ни пустословили, ни отгораживались и ни клялись, что не привыкнем никогда. И любому нравится перемена, если она меняет что-то к лучшему. Никому не нравится пребывать в прошлом, если прошлое уродливо, и все в конечном счете выходит хорошо.

Самое важное, что я могу добавить на основе собственных наблюдений, вот в чем: знание, что начало этому положили обстоятельства, ничем не примечательные, должно обнадеживать нас всех. Поскольку это доказывает: не так много нужно, чтобы изменить весь

мир к лучшему. Можно начать с самого обыкновенного. Можно начать с того мира, в каком живешь.

Глава 1 Рубен

— январь 1992 года —

Женщина улыбалась до того вежливо, что ему стало обидно.

— Позвольте, я сообщу директору Морган, что вы пришли, мистер Сент-Клер. Она захочет побеседовать с вами. — Сделав два шага, секретарь обернулась: — Она любит беседовать со всеми, я хочу сказать. С каждым новым учителем.

— Разумеется.

Ему пора было бы уже привыкнуть.

Прошло больше трех минут, прежде чем секретарь появилась из директорского кабинета. Слишком уж широко улыбаясь, чересчур радушно. Он замечал: люди всегда демонстрируют куда больше показного радушия, когда им трудно выжать из себя хоть сколько-нибудь подлинного.

— Заходите, мистер Сент-Клер. Она примет вас.

— Благодарю.

Директор по виду была лет на десять старше его: копна темных волос, усталая, европейской внешности и привлекательная. Привлекательные женщины всегда вызывали у него боль, в прямом смысле: долгую боль, возникавшую у солнечного сплетения и расходившуюся вниз по всем внутренностям. Как будто он взял да и пригласил эту привлекательную женщину в театр, а в ответ сразу услышал: «Вы шутите, должно быть».

— Для нас такое удовольствие встретиться с вами лицом к лицу, мистер Сент-Клер. — Тут же директор вспыхнула, словно упоминание слова «лицо» было непростительным промахом.

— Прошу вас, зовите меня Рубен.

— Рубен, хорошо. А я — Анна.

Она встретила его спокойным открытым взглядом и ничуть не казалась напуганной. Значит, секретарь ее словесно подготовила. И как-то выходило, что еще хуже неподготовленной реакции было явно отрепетированное ее отсутствие.

Он был, по собственному признанию, человеком, кому следовало бы сидеть на одном месте. Но те же самые причины, которые мешали каждый раз начинать заново, мешали и оставаться надолго.

Директор указала на стул, и он сел. Скрестил ноги. Стрелки на брюках были аккуратно, тщательно отутюжены. Галстук, выбранный еще вчера вечером, отлично подходил к костюму. Он с демоническим старанием ухаживал за собой, хотя и понимал, что на самом деле никто никогда этого не заметит. Он ценил в себе эти привычки, невзирая на то (или потому), что больше ценить было некому.

— Я не совсем то, что вы ожидали, ведь так, Анна?

Он назвал ее по имени, и от этого боль вернулась, только еще острее. Очень трудно разговаривать с привлекательной женщиной.

— В каком смысле?

— Прошу вас, не надо. Вам должно быть понятно, как много раз я разыгрывал эту сцену. Мне невыносимо вести разговоры вокруг очевидного.

Директор попыталась поймать его взгляд, как то обычно делается в разговоре с коллегой, но не сумела совладать со своим.

– Я понимаю, – произнесла она.

«Сомневаюсь», – мысленно произнес он, но вслух не сказал.

– Человеку свойственно, – проговорил он, – создавать в воображении чей-то портрет. Вы читаете мое резюме с заявлением и видите, что мне сорок четыре года, что я чернокожий мужчина, ветеран войны с хорошим послужным списком в образовании. И вы считаете, что я у вас как бы перед глазами. А поскольку лишены предрассудков, вы берете на работу этого чернокожего мужчину, чтобы он переехал в ваш город, учительствовал в вашей школе. Но вот я прибыл – и подверг испытанию пределы открытости вашего сознания. Легко не иметь предубеждений против чернокожего, поскольку все мы видим их сотнями.

– Если вы думаете, Рубен, что вашей работе у нас что-то угрожает, то беспокоитесь напрасно.

– Вы действительно беседуете накоротке с каждым?

– Конечно же, беседую.

– Даже еще до того, как учитель провел свое первое занятие в классе?

Пауза.

– Не обязательно. Просто я подумала, что мы могли бы обсудить вопрос о... выработке предварительных условий.

– Вас беспокоит, что моя наружность вызовет переполох среди учащихся?

– Что подсказывает в этом отношении ваш прошлый опыт?

– Ученики всегда снисходительны, Анна. И это трудный момент. Всегда.

– Я понимаю.

– При всем моем уважении к вам, не уверен, что понимаете, – выговорил он. Вслух.

...

В прежней школе, в Цинциннати, у Рубена был друг по имени Луис Тарталья. У Лу был особый способ общения с незнакомым классом. В первое утро он входил в класс с мерной линейкой в руках. В самую шумиху и толковище. Им нравится, видите ли, сразу испытать учителя. Линейка у Лу была его собственной, им купленной и принесенной в школу. Довольно тоненькая, дешевенькая. Он всегда покупал их одной марки и в одном и том же магазине. Потом он призывал к тишине, которой после первого требования никогда не добивался. Посчитав до трех, он вздымал линейку выше головы и с силой шмякал ею по столу так, что она разлеталась пополам. Отломившаяся половинка дугой летела назад, ударялась о классную доску и со стуком падала на пол. Затем в наступавшей тишине он просто произносил: «Спасибо». И после этого не ведал с этим классом никаких бед.

Рубен предупреждал, что когда-нибудь обломок полетит не в ту сторону и ударит ученика, что вызовет бездну неприятностей, однако у Лу, насколько было известно Рубену, это всегда проходило как по маслу.

– Все сводится к непредсказуемости, – пояснял Лу. – Стоит им уяснить, что ты непредсказуем, как у тебя на руках все козыри.

Потом он спросил, как Рубен утихомиривает незнакомый и непослушный класс, на что тот ответил, что с таким не сталкивался никогда: его всегда встречало одно лишь каменное молчание, и его никогда не считали предсказуемым.

– А-а. Точно, – кивал Лу, словно и ему следовало быть осмотрительнее. А ему следовало бы.

...

Рубен стоял перед ними в первый раз – и был одновременно обрадован и обижен стоявшей тишиной. Там, за окнами справа от него, находилась Калифорния, место, где он не бывал никогда. Деревья были другие, небо не смотрелось так по-зимнему, как когда он отправился на машине в долгий путь из Цинциннати. Он не мог сказать «из дому», поскольку это не было его домом на самом деле. Да и здесь он тоже не дома. А он все больше уставал чувствовать себя чужаком.

Быстренько пересчитал учеников по головам: мест в ряду, число рядов.

– Раз уж я вижу, что вы все здесь, – сказал Рубен, – то обойдемся без переклички.

То, что он заговорил, похоже, вывело учеников из оцепенения, они немного зашевелились, стали переглядываться. Перешептываться через проходы. Не лучше и не хуже обычного. Подкрепляя такое нормальное состояние, Рубен отвернулся и написал на доске свое имя: «М-р Сент-Клер». Прежде чем вновь повернуться к ним, выждал, давая время прочесть написанное.

Мысленно, по плану, он намеревался сразу же начать с задания. Но оно уходило из него, как осыпающийся склон песчаной дюны. Он не Лу, и иногда людям нужно сначала узнать его. Он порой сам себе дивился, прежде чем его представления хотя бы давали о себе знать.

– Возможно, нам стоит провести этот первый день, – сказал он, – просто поговорив. Поскольку вы меня вовсе не знаете. Можем начать с беседы о наружности. О том, как мы относимся к людям, исходя из того, как они выглядят. Никаких правил. Можете говорить все, что захотите.

Они явно еще не верили ему, а потому говорили все то, что могли и под присмотром родителей. К его огорчению.

Потом произошло то, в чем Рубен усмотрел попытку насмешки: мальчик с заднего ряда спросил, не пират ли он.

– Нет, – ответил он, – не пират. Я учитель.

– Я думал, только пираты носят повязки на глазу.

– Повязки на глазах носят люди, потерявшие глаза. А пираты они или нет – значения не имеет.

...

Класс опустел, напряжение снялось, и Рубен, подняв голову, взглянул на мальчишку, стоявшего перед учительским столом. Худенький белый мальчик, но с очень темными волосами (возможно, сказывалась латиноамериканская кровь), произнес:

– Привет.

– Здравствуй.

– Что случилось с вашим лицом?

Рубен улыбнулся, что было редкостью для него: он помнил о кривобокости своего лица и испытывал неловкость от этого. Он развернул стул, чтобы мальчик мог сидя смотреть ему в лицо, и знаком предложил сесть, что тот проделал без колебаний.

– Тебя как зовут?

– Тревор.

– Тревор... а дальше?

– Маккинни. Я вас обидел?

– Нет, Тревор. Не обидел.

– Моя мама говорит, чтоб я не спрашивал у людей про всякое такое, потому как это их может обидеть. Говорит, ты должен вести себя так, словно и не заметил.

– Как сказать... твоя мама, Тревор, поскольку она никогда не бывала в моей шкуре, того не знает, что, если ты ведешь себя, словно и не замечаешь, я все равно знаю, что замечаешь. И тогда уже странно как-то, что нам нельзя говорить об этом, когда мы оба о том думаем. Понимаешь, что я хочу сказать?

– Думаю, да. Так что случилось-то?

– Я был ранен на войне.

– Во Вьетнаме?

– Так точно.

– Мой папка был во Вьетнаме. Говорит, что это адский гадюшник.

– Я склонен согласиться с этим. Хотя сам пробыл там всего семь недель.

– Папка был там два года.

– Ранен?

– Может, легко. По-моему, у него с коленом что-то.

– Мне полагалось бы провести там два года, но меня ранило до того тяжело, что пришлось отправиться домой. Так что в чем-то мне повезло, что не надо было оставаться, а в чем-то повезло твоему отцу, что его так не изувечило. Если ты понимаешь, о чем я. – По виду, мальчик не был слишком уверен, что понимал. – Возможно, когда-нибудь я познакомлюсь с твоим папой. Может быть, на родительском собрании.

– Вряд ли. Мы не знаем, где он. А что под глазной повязкой?

– Ничего.

– Как это – ничего?

– Так, словно там никогда ничего и не было. Хочешь посмотреть?

– Спрашиваете!

Рубен снял повязку.

Сколько помнится, никто толком не понимал, что Рубен имел в виду, говоря «ничего», пока не видел своими глазами. Никто, кажется, не был готов к тому потрясению от «ничего» на месте, где у всех, кого доводилось видеть, был глаз. Голова мальчика слегка отшатнулась, потом он кивнул. С детьми было легче. Рубен вернул повязку на место.

– Жалко, что у вас так с лицом. Только, знаете, всего с одной стороны. Другая сторона смотрится вполне прилично.

– Спасибо, Тревор. По-моему, ты первый человек, одаривший меня таким комплиментом.

– Ладно, пока.

– До свидания, Тревор.

Рубен подошел к окну и глянул на лужайку перед школой. Смотрел, как ученики сходились, разговаривали, бегали по траве, пока не появился Тревор, сбегавший по ступенькам от входной двери. Рубен уже привык в такие моменты готовиться к оправданию, а потому не мог вернуться к столу, даже если бы захотел. Этого он не мог пропустить. Ему необходимо было знать, побежит ли Тревор щеголять перед другими мальчишками своими новыми познаниями. Станет ли собирать выигрыш в споре или рассказывать байки, которые Рубен не услышит, а только сможет вообразить себе со своего НП⁴ на втором этаже. Лицо вспыхивало от воображаемых слов. Однако Тревор на рысях миновал мальчишек, лишь глянув разок-другой на них, не остановившись поговорить ни с кем.

Подошло время начать урок в другом классе. Рубену нужно было встряхнуться, готовясь проделать все это еще раз.

---

⁴ Наблюдательного пункта.

Из книги Криса Чандлера «Другие лица: кто еще претворил идею в Движение».

В моем лице нет ничего чудовищного или уродливого. Заявляю об этом с определенной объективностью, будучи, наверное, единственным, кто на нее способен. Я – единственный, привыкший смотреть на него, поскольку я единственный, кто осмеливается открыто разглядывать его в зеркале для бритья.

Мне сделали, в общем счете, одиннадцать операций, чтобы залечить то, что одно время выглядело до жути неприглядно. Место, где у меня был левый глаз, утраченную кость и мышцу под щекой и бровью, аккуратно прикрыли лоскутом кожи, взятым с моего бедра. Я перенес бесконечные пересадки кожи, пластические хирурги вдоволь поколдовали над моим лицом. Лишь малая толика их труда нужна была для сохранения здоровья или способности двигаться. Большая часть пошла на то, чтобы сотворить из меня индивида, которого легче вынести при встрече. Окончательным результатом явилось гладкое место, полное отсутствие глаза (будто его и не существовало никогда), огромная потеря мышц и тканей на щеке и шее и явное повреждение нерва у левого уголка рта. Он мертв, если можно так выразиться, и обвисает. Однако после многих лет терапевтического исправления дикции я сумел сделать свою речь вполне понятной.

Так что в каком-то смысле людей беспокоит не то, что они видят на моем лице, а скорее то, что они ожидали, но чего не видят на нем.

Еще у меня почти не действует левая рука, которая от последовавшей атрофии стала короче и усохла. Люди, полагаю, редко замечают это, пока какое-то время не пообщаются со мной, поскольку мое лицо норовит оттянуть все внимание на себя.

Я работал в школах, на переменах проводил время в учительских, где любая полоска пластыря замечалась и требовала объяснения. «Ричи, что у вас с рукой?» Набросок чрезвычайного явления становился повествованием, повторявшимся в течение шести недель, чтобы не обойти вниманием всех числившихся в штате учителей. «Знаете, я забрался на лестницу, понимаете, собирался водостоки прочистить...»

Так что мне странно было, что никто не расспрашивал. Если же вдруг кто-то решался, и я вынужден был повторять свой рассказ, то готов был пожалеть и пожелать, чтоб лучше уж все оставалось как прежде. Но дело даже не в том, что не расспрашивали, а в том, почему не расспрашивали, как будто я был ходячим ужасом, трагедией, неведомой и повергающей в шок и меня, и их заодно.

Время от времени по поводу моей левой руки кто-нибудь замечал (всякий раз одно и то же): «Как вам повезло, что левая». Вот только даже это якобы утешение било мимо цели: я левша по природе, если не по жизни.

До того как меня доставили домой из заморской страны, у меня была невеста. До сих пор храню фотографию, где мы вместе. Мы были красивой парой – любого спросите. Любому, не побывавшему там, могло бы показаться, что моя невеста, должно быть, бессердечная. Слов нет, она все равно могла бы выйти за меня. Я бы жалел, что она не бессердечная, а то и мог бы сделать вид, что в этом все дело, но, к сожалению, я там был. Истинную правду воссоздать трудно. Истинная правда в том, что мы оба так стойко согласились не видеть этого и не занимать себя этим, что только это и способны были видеть, у нас уже не оставалось времени, чтобы заботиться о чем-то еще.

Элеонор была сильной женщиной, что, несомненно, способствовало нашему краху.

Сейчас она замужем, живет с мужем в Детройте. Она пластический хирург. Я так до конца и не понял, насколько значимыми следует считать эти факты.

Любые из них.

Из дневника Тревора

Я узнал про эту странную штуку пару дней назад, в новостях увидел.

Про этого маленького мальчика в далекой Англии, у кого есть такая... как бы болезнь. Ему ни от чего не больно. Всякий раз, когда его показывали, на нем был велосипедный шлем, защитные щитки на локтях и коленках. Для того, подумалось, чтобы не пораниться. То есть разве он не может пораниться? Как он об этом узнает?

Сперва я подумал: «Вот это да. Везунчик». А потом уверенности поубавилось. Как-то, когда я был еще маленьким, я спросил маму, почему нам больно. Вроде как «зачем это?» Она объяснила: это для того, чтоб мы не тянулись руками к горячей плите. Это, сказала мама, чтоб вас научить. Только когда боль вопьется, слишком уж поздно будет, вот для чего и нужны родители. И вот для чего она со мной. Научить меня. Чтобы я прежде всего не трогал горячую плиту.

Иногда я думаю, что такая же болезнь у мамы. Только внутри. Хотя и знаю: ей больно. А все равно, не раз обжегшись, она тянется к той самой горячей плите. Внутри себя, я хочу сказать. И не думаю, что от такого делают защитные шлемы или щитки.

Жаль, что я не могу научить ее.

Глава 2

Арлин

Рики, как ей и представлялось, домой так и не вернулся, зато грузовик – прибыл. Только не так, как ей представлялось. Несколько раз он опрокидывался; в целом вид у него был хуже, чем она опасалась. Одно только: машина заводилась. Ну, работала на холостом ходу. Одно дело, завестись и работать вхолостую, совсем другое – действительно куда-нибудь доехать.

Как бы ни был ей ненавистен этот чертов помятый «Форд» – наглядное представление о ее собственном нынешнем положении, – она могла бы не пенять ему за это. Теоретически могла. Это из-за него ей не спалось ночью. Особенно сейчас, когда она пошла на вторую работу, в «Лэйзер Лаундж»⁵, чтобы было чем платить по счетам. А поскольку грузовик был виноват, что она не ложилась в постель до трех ночи, он по крайней мере мог бы давать ей выспаться. Наверняка не такое уж непомерное требование.

Так нет, опять приходится липнуть к окну и в который раз высматривать, как скользит лунный свет по призрачному остову грузовика. Как его серебристое сияние обрывается там, где ободрана краска. Только Рики был способен довести машину до такого плачевного состояния и смыться. Во всяком случае, разумно полагать, что мужик смылся: грузовик-то, вон он, отыскался, а Рики – нет.

«Койоты утащили? Перестань, Арлин, ну-ка возьми себя в руки! Сидит себе где-нибудь в баре, ведет те же самые нежные речи с какой-нибудь бедняжкой, еще не усвоившей, к чему это все сведется. Или к чему все не сведется».

Если, конечно, он вообще не уволокся, бродяжить не отправился, может, в больницу попал, может, выбрался жив-здоров, а может, помер вдали от всего, что связывало его с «Фордом», вдали от всякой связи с родным городом.

Так что, может, и есть где-то могилка, но откуда Арлин знать? Да если и узнает, как выяснить, какая и где. Даже если она купит на свои чаевые Рики цветы, то все равно никогда не узнает, куда их нести.

«Цветы могут обернуться гадостью, гадким умыслом, если даже не знаешь, где их возложить. Ну-ка, перестань, Арлин. Ну-ка марш обратно в постель!»

И она пошла – только для того, чтобы пасть жертвой сна, в котором Рики жил прямо за городом, уже много-много месяцев, и ни разу не удосужился подать ей весточку о том, где он.

Что и заставило ее опять прилипнуть к окну и поносить чертов грузовик за то, что не дает ей поспать.

...

– Значит, так. Что, если я приношу ее домой, а она погнута? Я просто две сотни долларов на ветер выбросил?

– Просто скажите себе, что с той стороны дверь усиленная, так что этот чертов грузовик мог перевернуться, а дверь не погнулась.

– Я просто говорю, что если, в общем-то. Вот и все, что я говорю.

---

⁵ Laser Lounge – международная сеть клиник лазерной эпиляции и косметологии.

– Я вам вот что скажу. Я попридержу ваш чек на пару-тройку дней. Не сможете поставить дверь на свой грузовик, приносите ее обратно.

– Ага. Понимаю. Сто семьдесят пять.

– А ну-ка, катись с моей стоянки, ты меня уже достал!

– Лады, двести. – С легкой улыбочкой.

«Парням нравится, когда с ними так разговариваешь. Почему-то, черти веселые».

Малый оперся о покоробленный капот «Форда» и закурил. «Мальборо»-красные, такие же, как когда-то курил Рики, она и не глядя узнала бы. Похоже, этот мир, этот городок битком набит мужиками, скроенными по одному шаблону с Рики. Ей, во всяком случае, так кажется. Из-за этого она и почувствовала расположение к парню, этому Дугу, или Дуэйн, или как там, черт, его кличут, ее первому покупателю.

И она знала, почему. Она и больше получила бы, потрудись быть понапористее. Знала: стоит его спросить, как он тут же скажет, что папаша драл его, как сидорову козу не дерут, и что он живет сам по себе с нечестивых юных лет. Знала: доведись ей стянуть с него футболку, увидела бы на плече татуировку, какое-нибудь имя, слишком стершееся, чтоб разобрать. Кто-нибудь, кого он знал с месяц-другой, когда был еще слишком молод, чтобы понимать, что навеки только шрамы остаются. Да синяя краска, которую даешь загнать себе под кожу.

И от этого она почувствовала, что устала от расположения к Дугу. Дуэйн.

Позже она скажет своей лучшей подруге Лоретте: «Я больше не считаю, что не разбираюсь в мужчинах. В жизни больше не скажу, что у меня убогие инстинкты, нет, сэр, потому как отчего ж я на того же парня нападаю раз за разом? Начинаю думать, что у меня очень тонкое чувство оценки, только оно, похоже, кому-то другому служит».

Какое-то время она с удовольствием наблюдала за мышцами его больших рук, которые легко разделялись с болтами на петлях дверцы, и ощущала усталость, сознавая, что часть ее существа уже прикидывает размеры следующей большой жизненной неразберихи, еще до того как она очистила от мусора прежней свою, обычно содержащуюся в опрятности, подъездную дорожку к дому.

Не успела она отделаться от этих успокаивающих мыслей, как на эту дорожку вышла из машины Шерил Уилкоккс, бывшая жена Рики, чтобы сказать ей спасибо за то, что она такая двуличная сучка. А еще не было и девяти часов утра.

Из книги Криса Чандлера «Говорят знавшие Тревога» (1999)

Не хочу всех разочаровывать. Это не было, строго говоря, безгреховным зачатием. Так, один из рисков, на которые иногда позволяешь себе пойти. Наверное, сейчас, после свершившегося факта, оно и выглядит как-то глупо и беспечно. И все ж, слава богу, получилось так, как получилось, верно?

Я не говорю, что в тот вечер не принималась играть в детскую игру «Напоминания о предосторожностях», только дальше этого голова не работала. Было такое чувство, будто убого обдуманное слово нарушат очарование момента. А если хотите увидеть, как мужик в разум входит, попробуйте проворковать ему что-то вроде: «Случаем не носишь резинку у себя в бумажнике? Я тебя предупредила, что с пилюль слезла?»

А кроме того, он со своей половинкой, Шерил, целую вечность старались забеременеть. Никогда даже в голову не приходило, что в том ее вина. С чего бы? В самом деле, в голову не приходило, что такое скорее случается с теми, в ком старания нет (не важно, у скольких людей их старания тем и кончались), и, может быть, разумом я это понимала.

Он был женат. Поначалу. Это как бы осложняло.

Так вот, короче, в чем я и впрямь повинна, так в том, что ныла, что мы никак на танцы не можем сходить. Может, живи мы в Большом Нью-Йорке, может, тогда бы, но только не в Атаскадеро: нельзя. Нельзя там, где все знают всех, во всяком случае, достаточно, чтобы знать, кто для кого является законной парой.

– Хочется пойти поплясать? – сказал как-то он. – Я тебя свожу на танцы.

И свозил. Повез нас куда-то по Куэста-Грейд⁶, оставляя внизу огни города, который, должна сказать, с такого большого расстояния смотрелся миленько. Мы вышли из той старенькой легковушки; он, вновь обернувшись, потянулся к приборам, повернул ключ питания, чего, полагаю, делать не должен был, потому как аккумулятор посадил; правда, тогда нас это не заботило. Да и позже тоже, к слову сказать.

Он перебрал три станции, отыскивая медленную музыку, а потом я вдруг узнала такое... в общем, это трудно объяснить. Словно бы весь мир целиком сошелся в его руке, что лежала у меня чуть пониже спины, ничего огромнее этого не было – и никогда не будет. И, уже когда он был во мне, ощущение его теплого дыхания на шее, которое с тех пор никуда не уходило и уже никогда до конца не уйдет. Это было такое... когда целью становится произвести продукт... и я не уверена, что наша вина в том, что мы прознали про это слишком поздно, уже после обмена кольцами и клятв, о которых можно всю жизнь жалеть. Это вроде географической карты, решила я. Ну, вы знаете, с красными линиями, отделяющими один штат от другого, синими линиями рек и коричневатыми складками, изображающими горный хребет. Что важнее: это всеобщее наше согласие на то, что Айдахо вот прямо тут и перестает быть Айдахо, или эти горы и реки, которые находились там еще до того, как хотя бы кто-то взялся за картографию?

Было похоже, будто извечно были я и Рики и (я была уверена) вечно будут. Пусть я в точности и не знала, куда он подевал ту любовь. Когда пропал, я имею в виду. Я-то считала, что она при нас, и готова была спорить, что он чувствует ее тяжесть, перебирается ли он с места на место или затаивается для разнообразия на одном. Не о том разговор повела. Всем хочется знать про ту ночь.

Когда мы в первый раз предавались любви, я почувствовала, словно что-то утратила, даже еще до того, как все закончилось. Подумала: «Вот и нечего мне больше хранить, нечего оберегать. Ничего по-настоящему моего, полностью моего-моего не останется, когда все пройдет».

Только была не права. Я получила и что хранить, и что оберегать.

...

Шерил уже стояла в гостиной. Вопросила:

– У тебя тут выпить-то хоть есть что?

И у Арлин было, хотя ее крестная и предупреждала: выкинь выпивку вон. «Толку-то: рано или поздно я все равно за ней приду», – сказала она крестной, которую звали Бонни. «Уж лучше позже, – ответствовала Бонни. – Всего пять дней, как до отвала нажралась». Только дольше не устоять, почему и поставила она два стакана.

Еще Бонни сказала, что пришло крестнице время загладить вину, расчистить завалы прошлого, как раз поэтому-то прежде всего Арлин и пригласила к себе в дом бывшую жену Рики. Чтобы извиниться за то, что спала с Рики, когда он все еще был женат на ней. За те девять-десять лет жизни внахлестку.

Иначе бы, когда Шерил остановила машину возле дома, чтобы сказать спасибо за то, что Арлин такая двуличная сучка, она бы ее так поприветствовала, что та, визжа колесами,

---

⁶ Название автомагистрали в Калифорнии, севернее города Атаскадеро.

умчалась бы прочь, оставив в память о себе запах горелой резины. В былые времена Арлин, может, так и сделала бы. Потом улыбнулась бы Дуэйну, словно ничего не произошло. Поняв, какие у того планы на вечер.

Но сейчас Дуг отвалил со взятой на пробу дверцей грузовика, а Шерил стояла в ее гостиной, и во всем этом была ее крестной, Бонни, вина. Позже, уже пьяная и довольная, она выдаст Бонни звоночек и так ей все прямо и выскажет.

– Уверена, – сказала Шерил, – тебе известно, где он, просто ты мне не говоришь.

– Знала бы я, где он, – сказала Арлин, – не разбирала б этот грузовик на части, чтоб вернуть, может, треть выброшенных на него моих денег. Я бы его отыскала и натравила долговых приставов, засунула ему эту жалкую развалюху сама знаешь куда и полюбовалась, как они выбьют плату за амортизацию из его жалкой задницы.

– Это тебе за соучастие, – сказала Шерил. – Ты получила как раз то, что заслужила.

Арлин принялась было отвечать, но никак не могла сообразить, какие слова подобрать, боялась, что выйдет как-то гнусно и слабенько, как бы ни старалась. Так что вместо брани плеснула в стакан на два пальца старой доброй текилы «Хосе Куэрво». То был единственный мужчина в ее жизни, который никогда не врал и от кого всегда было известно, что получишь. Потом она сказала:

– Я тебя сюда пригласила, чтоб сказать, что сожалею.

– Ага, – отозвалась Шерил. – Как раз это я всю дорогу и твержу про тебя. Придет время, до чертиков пожалеешь, что ходила ко мне в дом, как гостья, хлеб мой ела, будто подруга моя. Обхаживала меня по-всякому.

Арлин остановила ее, силясь сообразить, куда подевались все поводы обхаживать.

– Ты зачем мне это сейчас говоришь?

Шерил глубоко вздохнула, как человек, которого ударили по больному месту. В последнее время все тыкали Арлин носом в кусок дорогостоящего хлама, стоявший возле дома: покореженный, так что двери больше и не закрываются.

– Я, когда услышала, – сказала Шерил, – что грузовик тут стоит, то подумала...

– Что подумала? Что он тут с ним вместе?

– Может быть.

И что в Рики есть такого, не могла не дивиться Арлин, что вынуждает баб жалеть, что он не возвращается и опять не устраивает кавардак?

– Ну так его нету.

– Ну да. Теперь-то вижу.

Открылась дверь. Бочком вошел сын Арлин. Волосы были всклокочены, в чем сама же Арлин и виновата: слишком уж спешила начать разбирать на части несчастье у крыльца и более или менее предоставила мальчика самому себе. Сзади на синих джинсах был вырван клоч, но об этом Арлин и знать не желала. Пока. Хотя бы трусы у него чистые, слава богу.

– Тревор, ты где был?

– Там, у Джо.

– Я тебе позволяла пойти к Джо?

– Нет. – Потупленный взгляд. «Он его, – подумала Арлин, – небось, перед зеркалом отрепетировал». Мальчик знал, кто с мамой в гостиной, но не знал, зачем. Однако понимал: не забавы ради. Дети все понимают. – Прости. – Взгляд сына остановился на стакане с текилой. Никакого упрека, одно лишь молчаливое осознание, чересчур взрослое для мальчика его лет, знающего кое о чем, вроде, почему взрослые стараются. И как чертовски маловероятен успех.

– Ладно, все в порядке. Отправляйся обратно.

– Я только домой пришел.

– Ты можешь меня хоть раз послушать?

И он подчинился, безо всяких разговоров. Арлин отложила в памяти: пойти с сыном попозже погулять и купить ему мороженое. Стук захлопнувшейся двери отозвался у Арлин болью, словно что-то оторвали от нее, словно до сих пор не была перерезана связывавшая их с самого начала пуповина.

Арлин снова налила в оба стакана:

– Спасибо, что при мальчике ничего не сказала.

– Он здорово на Рики похож.

– Он не его. Не Рики.

– Одно лицо.

– Ему двенадцать. Я с Рики сошлась всего десять лет назад.

Арлин казалось, будто Бонни заглядывает ей через плечо: напоминает. Обман помогал ей устроить целую новую жизнь. Только то была такая старая ложь, что тяжело отделаться от нее после стольких-то лет. То же вранье и на этот раз удачно подошло.

– Я вижу его в этом мальчике.

– Ну, тогда ты видишь то, чего нет. – *Или то, чего хотела для себя, но так и не получила.* Мы, чего не получаем, видим, куда ни взглянем. Если то, чего сами себе не даем сделать, есть, мы того ни в одной другой живой душе перенести не в силах. Арлин начала это замечать.

...

В тот же самый вечер, в девять часов, к ней неожиданно-непрощено зашла Бонни.

– Понимаю, как это выглядит, – пролепетала Арлин. – Я как раз думала позвонить тебе.

– Я подумала, может, захочешь поговорить.

– У тебя что-то вроде ясновидения?

– Нет, насколько мне известно. Малец твой мне сообщение прислал.

От этого внезапного известия Арлин заплакала, из-за чего – и сама не сумела бы толком разъяснить. В последнее время слезы постоянно наворачивались, и любой слабенький толчок вызывал их поток, вроде как от внезапного взрыва хохота или страха мочевого пузыря перестает слушаться, особенно, если слишком долго сдерживаться.

Бонни протиснула в дверь все свои триста пятнадцать фунтов⁷ веса и большой подушкой обернулась вокруг Арлин, вовсе не фигурально душа ее в объятиях.

Некоторое время спустя они прошлись по шкафчикам и вылили все спиртное в раковину.

– Я завтра же с утра начну все по-новому. Может, на этот раз и получится.

– Чем тебе не нравится начать прямо сейчас? Можешь начать в любое время дня, знаешь ли.

– Наверное.

Вслед за Арлин Бонни прошла к окну спальни, и они посмотрели на площадку перед домом, на залитую лунным светом рухлядь вокруг, казавшуюся чем-то стоящим. Арлин, которой никогда не удавалось подыскать нужные слова, как будто показала Бонни, в чем загвоздка. В призраках. Словно сказала: «Если б тебя осаждали привидения вроде этого, кто скажет, управилась ли бы ты лучше?»

Бонни неспешно кивнула.

– Слышишь те деревья? – спросила Арлин.

– А что с ними?

---

⁷ Около 130 килограммов.

– Они поют мне по ночам. До того чисто и просто, что я больше спать не могу. Песни Рики. Неужто не слышишь? Клянусь, до того как этот чертов грузовик вернулся домой, они такое никогда не пели. Пели что-то подобное, наверное. Но не эти песни.

– Деточка, это просто ветер.

– Для тебя, может, и ветер.

Бонни уложила ее в постель:

– Завтра утром приду проведать.

– А-а, я прямо тут и буду.

И Бонни оставила ее один на один с пением.

Спустя немного времени Арлин встала. Решилась заглянуть к Тревору в комнату. Села на край кровати и убрала с его лба завитки черных кудрей.

– Мам, ты в порядке? – Он не отрешился от сна, слова прозвучали, словно он заполнял ими в себе какое-то пространство, где все было отведено заботе о ее благополучии.

– Ты единственная благодать, какую я сотворила в жизни. – Это она ему твердила много раз.

– Да ну, мам. – Так он всегда говорил в ответ.

Когда она ушла, он все еще лежал с открытыми глазами. Словно, может, и он слышал то пение.

Из дневника Тревора

Иногда я думаю, что мой отец никогда не был во Вьетнаме. Даже не пойму, с чего я это думаю. Просто так.

Отец Джо был во Вьетнаме, всякие истории рассказывает. И сразу понятно, по одним только словам, что он и в самом деле там был.

Мой отец, мне кажется, если иногда и говорит о чем, так о том, что, как он считает, может заставить людей гордиться им или пожалеть его.

Мама жалеет его, потому что он был во Вьетнаме. И говорит, ничего странного, что у него расстройств бывают. Так что я молчу о своей догадке, что, может, он никогда там и не был.

М-р Сент-Клер такой крутой. Мне все равно, что Арни болтает. Я думаю, он классный, и я так же классно поработаю с заданием, что м-р Сент-Клер не сможет не поверить в это.

Глава 3 Джерри

Ночь он провел в контейнере для мусора за магазином автозапчастей, и двух кварталов не будет от места, где он намеревался быть в девять часов утра. Даже во сне грезилась какие-то надежды. Их ему уже стало порядком недоставать. Зато, когда проснулся, вся эта канитель сильно смахивала для него на какое-то собеседование, чтоб на работу приняли. От возможности получить ее с желудком творилось что-то странное. Будто где-то внутри у него сидело знание, как все будет. Точно так, как и много раз раньше. Вот-вот еще немного, только за угол повернуть... только-только – и из кончиков пальцев выскальзывает. Очередь, которая вдруг обрывается в одном-двух стоящих перед ним.

А когда он первый раз прочитал, такая благодать в душе поднялась. Он и еще раз перечитал.

В кармане рубахи лежала, свернутая. Газетная бумага расплылась от пота его рук. Помялась. Но все равно прочесть можно.

БЕСПЛАТНО ДЕНЬГИ И ДРУГАЯ ПОМОЩЬ ТОМУ, КОМУ НЕ ПОВЕЗЛО. ПРИХОДИТЕ НА ПЕРЕКРЕСТОК АВТОСТРАДЫ И ЭЛЬ-КАМИНО-РЕАЛ. В СУББОТУ УТРОМ, В 9:00.

Впрочем, вновь ощущения не появилось.

Оно, это ощущение, в нем все время сидело, будто что-бы-ни-было-там-на-небеси («что-бы-ни-было», это потому, что словечки типа «Бог» злили его) смотрело прямо на него, когда что-то говорилось. Или, как в этот раз, читалось. И, может, оттого, что не было больше такого ощущения, может, потому-то он дошел до такого, потому и пал так низко.

Когда небеса и то, что на них, не ведают о твоём существовании, что остается? Лишь треклятый мир, часть которого у тебя прямо под носом, и в нем обещания или смысла не больше, чем ты видишь. Не больше, чем ты сделал за день.

А он больше ничего не делал, кроме повторения самого необходимого. Заполучить в руки сколько-то денег, потратить их все в одном месте.

Он не в силах вернуть смысл. Вот и сейчас, прочел это объявление и понял, что прорва других тоже, верно, его прочли. И стоять ему в длинной очереди.

Но все равно он пошел.

Поглядел в витрину магазина запчастей, увидел, что всего половина восьмого. Отправился торчать на перекрестке, как будто образуется огромная очередь и ему надо занять в ней место пораньше.

Но, еще не дойдя до перекрестка, понял, что опоздал. Пришел позже, чем рассчитывал. Народу собралось человек семнадцать. Вот и стоял он с ними, снедаемый чувством соперничества, терзавшим мышинными зубками его внутренности. Никто не смотрел друг другу в глаза.

Чертовски холодно становится в Атаскадеро. Вот о чем он непрестанно думал. А ведь это, считай, Калифорния, верно? Солнечная Калифорния. Днем еще ничего, зато ночью тут, может, тридцать градусов⁸. Вон некоторые в перчатках. А у него нет. Вот и потирал руки ладонью о ладонь, чтоб согреться и чтоб занятие было.

---

⁸ Тридцать градусов по шкале Фаренгейта, распространенной в США, соответствуют примерно минус одному градусу по шкале Цельсия.

Почти все ожидающие, заметил Джерри, были мужчины, лишь одно исключение – женщина без передних зубов. Одни выглядели получше, чем он, другие похуже. Подумал так, потом усомнился. Усомнился в собственном восприятии того, как он выглядел.

В зеркало он давненько не смотрелся.

А потом его как ударило.

«Я прямо сейчас в зеркало смотрюсь».

Может быть, впервые он ясно видел себя с тех пор, как все пошло кувырком и скисло. Разглядел собственный облик в компании, к которой примкнул. Вот они, его коллеги. От этого захотелось сбежать, и он едва не ушел. Но вот появились еще три мужика, и Джерри решил, что у него прав на бесплатные деньги столько же, сколько и у них.

Он не знал, есть ли уже девять часов, но было похоже на то. Сорок восемь человек собрались на перекрестке, не считая его самого.

Пацан лет двенадцати-тринадцати прикатил на байке, старом прогулочном велосипеде. Джерри удивило, что в очереди не было другой пацанвы, ведь ребятки любят даровые деньги. Как и все остальные. Только этот малец вел себя так, будто он не ждет в очереди приехал.

Мальчишка посмотрел на толпу. Толпа посмотрела на него. Может, потому, что он был единственным, кто не понурил взор в тротуар. Малой обвел взглядом всех, кто собрался, словно пересчитывал их. Лоб его изумленно сморщился, пацан нахмурился. Потом сказал:

– Елки зеленые! Вы все здесь по объявлению?

Произнес это как-то официально, и несколько голов поднялись. Как бы слушая его. Думая, может, ребенок что знает. Были и такие, кто ощетинился. Кто этот сопляк, в конце концов, чтобы выпрашивать у них?

Несколько человек в ответ кивнули.

– Елки зеленые, – повторил пацан. Головой покачал. – Мне нужен был всего один человек.

Тогда вперед вышел здоровенный лысый. Спросил:

– Ты объявление дал?

Джерри лысый детина был известен. Не знал его, но слышал достаточно, чтобы держаться подальше. Всему городу известный босяк. Немало дел натворил.

Но пацан и не подумал сникнуть перед здоровенным босяком, а взял да и сказал:

– Ага, я.

– Ну, вот и все, – ответили ему. И почти все ушли, следуя за лысым, как за мессией или еще кем. Имелось ли в виду, что никаких денег нет или что не возьмут их у мальчишки, Джерри не понял. Не знал, поняли ли и те, кто уходил. Просто отправились, куда им было сказано. Куда угодно.

Джерри слышал ворчание, когда они проходили мимо. Но сам не уходил, никаких выводов делать не спешил. Чаще всего брюзжание сопровождалось фразочками вроде: «Понять бы должен, что все это прикол». А то еще: «Очень смешно, малыш».

Пацан стоял на месте. «Вроде полегчало ему», – подумал Джерри, поскольку осталось всего десять-одиннадцать человек. Небольшая, более управляемая кучка народу.

Джерри подошел к пацану. Вежливо. Скромненько так, чтоб не напугать.

– Так это шутка?

– Нет, нет, это по правде. Я развожу газеты, у меня свой маршрут, получаю тридцать пять долларов в неделю и хочу отдать кому-нибудь эти деньги. Кто, скажем, найдет работу и через какое-то время перестанет в них нуждаться. Просто, чтобы было на что начать, понимаете? Ну там еда, из одежды что получше, оплата поездок на автобусе. Или еще что.

Тут за спиной Джерри чей-то голос произнес:

– Положим, но которому кому-нибудь?

Да-а. То была задачка.

Пацан подумал над ней немножко. Потом сказал, что у него есть в ранце бумага, и попросил всех написать, почему каждый считает, что деньги должен получить именно он.

Когда он сказал это, шесть человек ушли.

– Интересно, что это с ними? – пожал плечами малец.

Пояснила ему леди без передних зубов:

– А ты с чего решил, будто все писать умеют?

По выражению лица было видно, что малец никогда о том и не думал.

«Почему я считаю, что заслуживаю этих денег». Пишет Джерри Бускони.

Так вот, для начала, не скажу, что заслуживаю их больше любого другого. Потому как кому слово-то дадено?

Я человек не идеальный, и, может, другие скажут, что они совершенные. А ты, малец, толковый. Об заклад бьюсь, толковый. И ты поймешь, что они тебе сочиняют. Я – пишу честно.

Я помню, ты сказал, что тебе нужен тот, кому не повезло. Только знаешь что? Все это чушь. Везение тут совсем ни при чем. Взгляни на всех, кто сегодня явился. Мы шайка оборванцев. Тебе скажут, это невезение. Но я тебе лапшу на уши вешать не буду, малец. Мы сами себе такое устроили.

Меня вот взять, я иногда в беду попадаю. Из-за наркотиков. Это моя собственная вина. Ничья больше. Ни мамы моей. Ни Бога или правительства. Не они кололи иголку мне в руку. Я сам это делал. Но вот уже несколько недель я не знал никаких наркотиков. Чистым держусь.

Из-за своих бед я кой-какое имущество растерял. Машину, пусть и не очень хорошую. Квартиру свою. А потом я в тюрьму попал, и место мое на работе для меня, пока я выйду, не держали.

Только я ведь много чего могу. Я умелый. Работал на автосвалках, на сборке машин работал, был даже механиком. Я хороший механик. Не в том дело, что я нехорош. Только позволял себе в грязном ходить, чумазым. Механиком поработать любой не прочь.

Но нынче времена крутые, пришли на ту же работу ребята. Одетые хорошо, у кого и лицензия штата была. Вот говорят: заполни этот бланк. Это я могу. Ты ж видишь, что я читать и писать умею вполне прилично. Только потом говорят: напиши свой номер. Мы тебе позвоним, если ты работу получишь.

Только в мусорном контейнере, где я обитаю, телефона нету. Я и говорю, мол, только-только въехал. А мне говорят: тогда укажи свой адрес. Мы тебе открытку пришлем.

И тогда они секут. Что ты с улицы пришел. И, полагаю, соображают, что у тебя проблемы, хотя ни о чем таком понятия не имеют.

И, что ж, полагаю, они у меня есть. Как я сказал.

Только, появившись у меня сейчас шанс работу получить, я б не профукал его, как раньше. На этот раз по-другому было бы.

Вот эти, другие, взгляните на них. Они уже привыкли к своему положению. От них и не ждешь, что они не на улице спят. И, полагаю, их это устраивает.

Только меня такое не устраивает. Не думаю, что я совсем пал так низко. По крайности, пока еще нет.

Так что, если выберешь меня, не пожалеешь.

Полагаю, это все, что мне есть сказать.

Еще спасибо тебе. Никогда не знал ни одного мальца, который деньги раздает. В твои годы у меня была работа, и я тратил деньги на себя. Ты, должно быть, хороший мальчик.

Полагаю, теперь точно все. Благодарю за потраченное на меня время.

Когда Джерри поднял голову, все, за исключением парнишки, уже ушли.

Глава 4

Арлин

Еще семи не было, а потому возмущала любая попытка лишить ее остатков утреннего сна, в особенности после того, как этот чертов «Форд» не давал полночи уснуть. Кто-то тряс за плечо, и, не очень-то сознавая, она каким-то инстинктом понимала, что это сын.

– Мамочка, ты не спишь?

– Не-а.

– Можно Джерри придет к нам и помоемся в душе?

Она моргнула и, сощурившись, глянула на часы. Еще полчаса можно поспать. Ничто не должно было тревожить сейчас, разве что сны. Так на тебе.

– Кто такой Джерри?

– Мой приятель.

Она не знала у Тревора никаких приятелей по имени Джерри, а теперь еще и забыла, в чем состояла изначальная просьба.

– Решай сам. Я встану через полчаса.

Зарылась головой в подушку, и это было последнее, что она запомнила, пока не зазвонил будильник и она не швырнула подушку в него. Будильник ее не бесил, бесили чертов грузовик и Рики, но машина, пока стояла, натерпелась уже достаточно оскорблений, а того поблизости не было.

Несколько минут спустя, когда она поставила чашку овсянки перед сыном, какой-то совершенно чужой человек выскочил из коридора и оказался на кухне. Она уж было приготовилась завизжать, но постеснялась, возможно потому, что из всей троицы одна была ошарашена, остальные, похоже, ничуть не удивились.

На вид чужаку было по меньшей мере лет за сорок. Низенький, чисто выбрит, лысина пробивается, одет в новенькие джинсы и колом стоявшую джинсовую рубашку.

– Вы, черти веселые, кто?

Чужак мямлил с ответом, а потому заговорил Тревор:

– Это Джерри, мам. Помнишь, ты сказала, что ему можно придти и в душе помыться?

– Я это сказала?

– Ага.

– И когда я это сказала?

– Прямо перед тем, как проснуться.

Меж тем Джерри никак не оправдывался и не винился, но был явно достаточно толков, чтобы понять, когда в нем не нуждаются, поскольку стал бочком пробираться к двери.

– Покорно благодарю вас, мэ, – произнес он, взявшись за дверную ручку. А Тревор, мальчишка, ни черта лучше не придумал, как спросить, не нужны ли Джерри деньги, чтоб купить билет на автобус. Чужак вытянул руку, показывая пригоршню мелочи. Монеты он выставлял, как медали или рубины, уж точно, как нечто дьявольски куда более важное, чем четвертаки с гривенниками. – Я сберег их, понимаете? Из моих денег на одежду.

И Тревор сказал:

– Надеюсь, ты получишь работу. – А уже после того, как за чужаком закрылась дверь, Тревор взглянул на Арлин, словно бы ничего только что не произошло, и произнес: – Ты знаешь, что у тебя рот разинулся?

Но когда он увидел выражение лица матери, то склонился над горячей овсянкой и принялся сосредоточенно размешивать в ней сахар.

– Тревор, черти веселые, кто это был?

- Я ж сказал тебе. Джерри.
- Кто, черти веселые, такой Джерри?
- Мой приятель.
- Я не говорила, что он может приходить сюда и размываться себе под душем.
- А вот и говорила! Еще сказала, что я должен сам решать.

Она не помнила, что говорила такое, но походило на правду – в том, что именно так она выразилась бы, если б по-настоящему старалась урвать еще кусочек сна. Если только малыш не до того умен, что знает, как бы она выразилась, и на том построил свой рассказ. Но было еще слишком раннее утро, чтобы разбираться, что в самом деле произошло и что могло бы, а потому она сказала только вот что:

– Если ты позволил чужому человеку мыться в нашей ванной, то, уверена, твои способности принимать решения необходимо подрегулировать.

Он попробовал оспорить, что этот мужчина был вовсе не чужаком, а его приятелем Джерри, но Арлин и слышать ничего не хотела. Только велела есть да отправляться в школу, добавив, что больше не желает видеть Джерри у себя дома никогда и ни в коем случае, даже если ад вымерзнет в сосульку, – и думать не могли о том, Хозе⁹.

Тревор уже с минуту как убежал, а Арлин все еще жалела, что забыла спросить, зачем он предлагал Джерри деньги на автобус.

Она направилась прямо в ванную, которую чужак оставил поразительно опрятной, и принялась стерилизовать все, чего он мог касаться.

...

Прошло, может, три дня, может, четыре, Арлин возвращалась домой, отработав в «Лэйзер Лаундж» до трех ночи, и обнаружила, что кто-то копается с фонариком в покореженном грузовике. То, что она остановила машину перед собственным домом, похоже, не помешало незнакомцу продолжить занятие.

Она заранее боялась этого, вымотавшись уже вконец. Всякий раз, когда кто-то приезжал глянуть на грузовик и ничего не покупал, она опасалась, что уехавшие вернутся ночью и заберут то, что им приглянулось. И вот – поглядите.

Арлин скользнула в дом, добралась до шкафа в спальне, где на полке лежало охотничье ружье Рики, там, где он его и оставил. В запертом футляре, потому как мальчишки любопытны. Арлин было приятно, что ружье там стоит, не столько оттого, что она ждала случая воспользоваться им, а оттого, что твердо верила: Рики забрал бы его, если бы не рассчитывал вернуться. Она вытащила из футляра ружье, завернутое в старое полотенце, в котором Рики всегда его держал, и, когда ткань спала, лившийся в окно лунный свет обратил черноту металла в отдающее синевой великолепие вороненой стали. Запах ружейного масла напомнил ей о Рики, о том, как она любовалась им, когда он чистил ружье, сидя ночью перед телевизором.

Она вставила в патронник три патрона с несмертельной птичьей дробью и, глубоко вздохнув, ногой толкнула заднюю дверь, выходящую как раз туда, где сторбился этот мужик, работавший при свете переносной лампы, прикрепленной к бамперу. И включенной в сеть где-то в ее же гараже. Это разъярило Арлин еще больше: какой-то недостойный воришка, нагло грабя, еще и пользуется ее электричеством!

---

⁹ Довольно популярное (с 1960-х гг.) американское разговорное выражение, означающее «Ни за что!», «Даже не думай!»; происхождение его неясно, оно не связано с конкретным именем.

Преступник подпрыгнул и повернулся в темноте к ней лицом. Наконец-то доведется и ей показать силу. Становилось приятно от мысли, как оно все будет: вскинутое оружие, лязгнувшее мощным «кляц-кляц», и ответный страх, который неминуемо должен проявиться.

Говоря об этом самом лязге, Рики сказал ей как-то: «Видела на карикатурках, как кто-то прямо через стенку проскакивает, оставляя за собой в ней дыру со своим контуром? Так вот, такое случается».

Вот только сейчас вор стоял как стоял.

– Прошу вас, не стреляйте, мэ. Это всего лишь я.

– Всего лишь ты – кто?

– Джерри.

От, черти веселые тебя забери!

– Какого лешего ты с моего грузовика тащишь? – сказала Арлин, не опуская ружья.

– Все, мэ. Я все части в гараже складываю. Тревор рассказал мне, что вы его по частям продаете. Так вы сможете куда больше денег получить. Вы знали это? Вам приходится скидывать цену, если люди своими силами понравившиеся части снимают.

– Так ты, значит, просто стараешься помочь, – выговорила она тоном, ясно дававшим понять, что сама так не считает.

– Да, мэ.

– В три часа ночи.

– Да, мэ. Я теперь себе работу нашел, днем занят в мастерской «Быстрая смазка и отладка», в нескольких милях отсюда по Камино. Так что, коли помогать, то ночью.

Лицо его в стоявшей тьме никак было не разглядеть, как хотелось бы, но голос Джерри звучал вполне обыденно, да и сам случай начинал действовать ей на нервы. Опустив ружье, подхватив фонарь, которым он освещал место работы, Арлин пошла в гараж, чтобы самой удостовериться. Мужик все аккуратно сложил там: и дверцу, и бампер, и сиденья. Каждую деталь расписал чем-то вроде масляного карандаша: «Сторона водителя», «Перед», «Зад».

Арлин вышла из гаража и направила свет прямо чужаку в лицо. Тот вскинул руку, заслоня глаза от света.

– Я вас просила помочь?

– Нет, мэ. Но я кое-что понимаю в этом. Работал когда-то на автосвалке. И малец уж очень мне помог.

– Тревор давал вам деньги?

– Да, мэ. Только чтоб помочь мне встать на ноги. Понимаете, вид почище обрести, чтобы опять получить работу. Как-то так.

– И теперь, когда работа у вас есть, вы ему деньги вернете?

– Нет, мэ. Мне не велено. Мне надо будет заплатить другому.

– Заплатить другому? Это еще что за чертовщина?

Джерри, похоже, удивило, что выражение ей незнакомо. А меж тем разговор их делался нормальным, и Арлин в нем уже не верховодила, а то, что она не могла беситься на него, выводило ее из себя, но – по-хорошему.

– Вы не знаете про это? Вам надо с сыном поговорить. Мне удивительно, что он вам не рассказал. Что-то такое он в школе делал по обществоведению. Он бы лучше объяснил, впрочем. Знаете, если у вас есть десять баксов, чтобы нанять подъемник, я сниму двигатель, поставлю его на подставки и укрою брезентом. Сберегу вам кучу денег.

– Без личных обид, но я сказала Тревору, что не хочу, чтобы вы ошивались возле дома.

– По-моему, вы сказали ему, что не желаете видеть меня у себя в доме.

– Какая, черти веселые, разница?

– Ну как? Разница в том, что, с одной стороны, я в доме. А с другой стороны, я вне его.

– Прошу прощения. Думаю, будет лучше, если я пойду поговорю с сыном.

Однако Тревор был до того сонным, что только и смог произнести:

– Привет, мам. – И еще: – Все в порядке? – Когда же она сказала ему, что Джерри разбирает грузовик на части, мальчик кивнул: – Это здорово.

Арлин не могла сердиться на сына. Он и в этом отношении был – вылитый отец.

...

Известно, что гораздо легче сорвать злость на человеке постороннем, вот Арлин и отправилась в школу переговорить с этим самым м-ром Сент-Клером. Первым делом, еще до начала уроков, надеясь, что не столкнется с Тревором и тот никогда не узнает о ее приходе в школу, она пошла в приемную. Сидевшая там дама направила ее этажом выше.

Уже пройдя наполовину в дверь класса, Арлин встала – и сразу куда-то подевалась вся копившаяся в ней злость.

Прежде всего (хотя и не это было самым главным), он был чернокожим. Она не была какого-то особого мнения о черных, не в том дело. Суть была в том, что она изо всех сил старалась горделиво изобразить, что она не такая. Немного времени потребовалось, чтобы стало трудно выставлять эту возню естественной. Она приложила еще больше старания. И тут уже поняла: если и ввязалась в сражение с естеством, то проигрывает его. Все силы уходили на старание вести себя непринужденно. Тут того и гляди кинешься в погоню за собственным хвостом и будешь так колесом крутиться еще долго после того, как солнце сядет.

Так что, трудно было сдвинуться с места в карьер и заорать на него. Он мог бы подумать, что она воображает, будто она лучше него, хотя на самом-то деле это больше касалось ее мальчика да еще ее налоговых долларов, из которых платится учительская зарплата. Любого преподавателя зарплата, то есть.

Так вот, учитель поднял на нее взгляд, а она никак не могла ничего сказать. Ничего. Стопроцентная представительница породы бессловесных. И притом, по большей части, вовсе не из-за какого-то расового вопроса, скорее оттого, что ей еще никогда не доводилось видеть человека всего с половиной лица. Тут такое дело, что требуется время к такому приспособиться. И она понимала: если это займет у нее хотя бы на минуту дольше, он заметит, что она обратила внимание на его злополучные рубцы, а это было бы просто откровенной грубостью. По пути в школу вся сцена прошла в ее сознании как по маслу, в ней она была сердита, за словом в карман не лезла и вообще всем была хороша.

Арлин прошла через класс к учительскому столу, ощущая себя маленькой, как лет двадцать пять назад, когда эти парты-столы была слишком велики для нее. А учитель все ожидал, когда что-либо прозвучит.

– Что такое «заплати другому»?

– Простите?

– Выражение это. «Заплати другому». Что оно значит?

– Я сдаюсь. И что оно значит? – Казалось, у него появилось слабенькое любопытство, она слегка забавляла его, а в результате он на мили вознесся над нею, внушая ей чувство неловкости и невежества. Он был большой человек, и не только телом, хотя и им тоже.

– Это вам полагалось бы мне рассказать.

– С превеликим удовольствием, мадам, если бы знал. Если не возражаете, позвольте поинтересоваться, кто вы?

– Ой, я забыла назваться? Извините. Арлин Маккинни. – Она протянула руку, и учитель пожал ее. Стараясь не заглядывать ему в лицо, она заметила, что левая рука у него изуродована, выглядела как-то поменьше и посуше, отчего Арлин на секунду пробила дрожь. – Мой сын учится у вас по обществоведению. Тревор.

Что-то изменилось в лице учителя, словно ему припомнилось нечто приятное, и это, как-то связанное с ее мальчиком, больше расположило ее к этому человеку.

– Тревор, да. Тревор мне нравится. Он мне особенно нравится. Очень честный и прямой.

Арлин попробовала издать ехидный смешок, но получился какой-то всхрап, хрюканье какое-то, она почувствовала, как покраснела.

– Да-а, он весь из себя такой, правильно. Только вы так говорите, будто это добродетель.

– Так и есть, по-моему. Теперь, что вас беспокоило в «заплати другому»? По-вашему, я что-то должен знать об этом?

Вообще-то она рассчитывала на смех, на улыбку, на что-то, выходящее за рамки сугубо делового отношения. Дурное чувство наворачивалось, будто м-р Сент-Клер смотрит на нее как-то свысока, но как именно, Арлин так и не смогла толком объяснить.

– Это как-то связано с заданием, которое вы дали. Так Тревор сказал. Он говорил, что это работа для ваших занятий по обществоведению.

– А-а, да. Задание. – Учитель пошел к доске, и Арлин отпрянула, давая ему пройти, как будто вокруг него ветер вихрем бушевал и мешал ей держаться ближе. – Я напишу его вам, точно в том виде, в каком представил классу. Оно очень простое. – И он начертил: «Я думаю об идее, как изменить мир, и о том, как осуществить ее». – Учитель положил мел и вновь повернулся. – Вот и все. Это самое «заплати другому», должно быть, собственная идея Тревора.

– И это все? Это все? – Арлин почувствовала, как сдавило вокруг ушей: верный признак незамутненного, дающего удовлетворение гнева, который она пришла сюда выплеснуть. – Вы всего лишь хотите, чтоб они изменили мир! Только и всего. Что ж, я рада, что вы не задали им ничего трудного.

– Миссис Маккинни...

– Мисс Маккинни. Я сама по себе. А вы потрудитесь выслушать. Тревору двенадцать лет. И вы хотите, чтоб он изменил мир? В жизни не слышала такой чуши.

– Во-первых, выполнение задания добровольно. Для желающих получить дополнительное поощрение. Ученикам, считающим идею чрезмерно сложной, нет надобности выполнять задание. Во-вторых, я только хочу, чтобы ученики переосмыслили свою роль в этом мире и придумали способы, как один человек может привнести в него что-то иное. Очень благотворное упражнение.

– Как и забраться на Эверест, только это еще может оказаться и чересчур для малыша. Вам известно, что Тревор пригрозил у себя под крылышком бомжа и привел его в мой дом? Этот нищий мог оказаться насильником, растлителем малолетних или алкоголиком. – Ей хотелось продолжить, но помешала мысль: раз уж она сама алкоголик, то, видимо, это гадкий пример. – Что, по-вашему, мне делать со всеми этими проблемами, что вы породили?

– Я бы предложил вам поговорить с сыном. Установить правила жизни в доме. Объяснить ему, когда его усилия по этой затее приводят к конфликту с вашей безопасностью и спокойствием. Вы ведь беседуете с ним, так?

– Что еще, черти веселые, за вопрос? Конечно, беседую.

– Просто странно, что вы решили пойти в такую даль, в школу, выяснять, что такое «заплати другому». Ведь об этом вам мог рассказать Тревор.

– Полагаю, это была ошибка.

Уйти из этого класса тянуло все больше и больше. Ясно же, ничего тут не добиться, только попадешь в такое положение, в котором Арлин чувствовала себя глупой и мелкой.

– Мисс Маккинни? – Его голос ударил в спину, когда оставалось всего несколько шагов, чтобы вырваться на свободу. Она резко развернулась, чтобы заглянуть в лицо этому человеку, которого невзлюбила сразу же и открыто – и не из-за его лица, и не из-за цвета его кожи.

– Что?

– Надеюсь, вы простите, что спрашиваю об этом, но... Отец Тревора умер?

Арлин дернулась, будто оплеуху получила.

– Нет. Конечно нет. – Надеюсь, что нет. – Это вам Тревор сказал?

– Нет. Он сказал что-то странное. «Мы, – он сказал, – не знаем, где он». Я подумал, что он, возможно, выразился эвфемистически.

– Ну, мы и впрямь не знаем, где он.

– Вот как. Вы меня уж извините. Я просто спросил.

Недоумевая, она бросилась к двери, и уже ничто не в силах было остановить ее.

Это ж надо, полной идиоткой себя чувствуешь! Она не только признала, что отец ее ребенка не удосужился даже рождественскую открытку прислать, так еще придется лезть в словарь и отыскивать в нем слово «эвфемистически». Понять, в чем он только что обвинил ее сына.

«Ну, держись, если это гадость какая!» – только об этом и думала.

Из дневника Тревора

Иногда мне кажется, что идея выйдет такой классной. А может, она уже классная. Но потом я вспоминаю всякое другое, что, как думал, выйдет классно. Когда я и впрямь был маленьким. Лет в десять или типа того. И теперь, когда я большой, то понимаю, какая то была мура. Вот удумал бы я: «Что, если все эти бомбы выключить?» Тогда бы м-р Сент-Клер меня никак не отметил. А потом через несколько лет я бы сам оглядывался назад и думал: «Елки, во я был дурак».

На самом деле трудно понять, что такое здоровская идея, когда ты только растешь: и идеи эти самые на месте не стоят, и ты не стоишь.

Мама не переносит Джерри. Это смешно, ведь он сильно похож на папку. Только папка чище. Но, если бы мама пустила Джерри в дом, он тоже был бы чище. Может, если бы она не пускала к нам папку, он выглядел бы точь-в-точь как Джерри. Может, где бы он ни был, он уже так и выглядит.

Глава 5

Арлин

Только он пристроился прикорнуть на ночь, а она тут как тут. Вроде чертовой полиции. Или владелица здания, в чьем подвале он попытался было устроить себе убежище. Вроде она так прям взяла и решила: он букашка, и она не желает, чтоб в ее чертов дом заползла зараза.

Он только закончил с грузовиком. Двигатель освободил. Не с крепежа снял, а отсоединил все патрубки и провода. А их с избытком было. Не как в старые добрые времена. Это ж удумать, как сейчас делают, как дрянь какую!

И он ушел в гараж. Расстелил в углу старый восточный ковер. У самой стены. Только-только успел глаза закрыть.

Она явилась. Свет включила. Щуриться заставила.

– Это всего лишь я, мэм, Джерри. Просто перерывчик по-быстрому сделал. Просто прилег. Потом я еще с вашим грузовиком поработаю.

– Я знаю, что вы здесь живете, в моем гараже.

– Нет, мэм. Только прилег по-быстрому.

– Где ж вы обитаете?

– Там, в мастерской, где работаю. Мне разрешают спать на диване в комнате для клиентов.

– Вставайте. Я отвезу вас туда.

Черт. В том, как она обращалась с ним, было две неприятности. Первая – она была дьявольски красива. По виду никак не скажешь, что у нее уже сын в возрасте Треворра. На вид еще и тридцати нет. Такая в самом деле маленькая и миленькая, сложена, как куколка. Пока рот не откроет. Личность типа амазонки, такой, что раз в десять ее больше. Но – дьявольски красива. Были бы они в баре вместе и хватало бы у него денег им обоим купить выпить... если бы было все не так, как сейчас... не было бы так, и думать нечего. Другая неприятность в ее обращении с ним, как с гадом каким, состояла в том, что он, по-честному, и обижаться-то был не в силах. Ведь чем было крыть-то? Нечем. И как?

Залезая в машину, когда она уже сидела на водительском месте, и усаживаясь рядом, в свете горевшей вверху лампочки он ясно видел ее лицо. И, вглядываясь в него, думал: «Ты да я, мы не такие уж и разные, и ты, может, знаешь это». Но понимал: упаси его бог такое озвучить.

Они ехали в молчании по Камино, главной улице города. Города-призрака в такой час ночи. Пустынная дорога тянулась вдаль, светофоры невесть с чего меняли цвет огней.

– Чертовски хорошая у вас машина. – Старый зеленый «Додж-Дарт». Если о ней заботиться, вечно служить будет. Да и если не заботиться – тоже.

– Это надо считать чем-то вроде ехидства?

– Нет, мэм. Я это как факт говорю. Этот наклонный шестицилиндровый двигатель – лучшее из всего созданного. Его не загубишь, даже если стараться будешь.

– А бывает, и хочется. Иногда.

От нее в ответ всегда только и слышишь что-то пожестче и холоднее, чем ожидаешь по ходу разговора. Впрочем, красивая леди. Симпатичная.

– Я знаю, что не нравлюсь вам.

– Не в том дело.

– В чем же тогда?

– Послушай, Джерри. – Остановились на красный свет. Хотя вокруг – никого. Ни единый человек не перешел улицу на зеленый, пока они ждали. – Я стараюсь вырастить мальчика сама, своими силами. Никакой помощи ни от кого. Я не могу следить за ним все время.

– Не намерен ничем вредить вашему сыну.

– Ты никому не намерен. – Загорелся зеленый, взвизгнули шины.

Просто чересчур резко нажала на газ.

Она остановилась возле «Быстрой смазки и отладки».

На улице было холодно. Ему не хотелось выходить. Как-то думалось, что и не придется. Больше. Не надо будет больше спать на холоде. На самом деле ключа от мастерской у него не было. Он и в миллион лет ни за что бы не сказал своим боссам, что ему нужен диван, чтобы поспать.

– Спасибо, что подвезли, мэ.м.

– У меня нет ничего лично против тебя. Нет.

– Хорошо. Как угодно.

Он вышел из теплой машины. На ветер. Минуту спустя она стояла у него за спиной.

– Послушай, Джерри. В каком-нибудь другом мире... кто знает?... Мы могли бы даже стать друзьями. Это просто такой...

Джерри круто развернулся. Ей пришлось смотреть ему в лицо. Всего секунду, потом на его обувку. Если б только она не взглянула на его обувку! У него не хватало денег, чтобы сменить старые кроссовки. Видел классные рабочие ботинки на шнуровке, но не мог их себе позволить. Зато завтра. Завтра будет зарплата. Нет, сегодня. Уже больше трех ночи. Сегодня попозже – рабочие ботинки.

– Приятно было слышать ваши слова, мэ.м. По тому, как вы себя вели, я было подумал, что только один из нас за человека считается.

– Никак не имела такого в виду.

– Никогда не имели в виду этого.

Арлин повернулась, возвращаясь к машине. Он обернулся, глядя вслед. Так что они оба увидели это. Что-то похожее на длинную полосу занялось высоко в небе. Скользнуло вниз, но быстро. Высветив ночь, словно молния. Огненный шар с хвостом.

– Елки зеленые, – выдохнула она. – Видели? Что это было, комета?

– Не знаю, может, метеор. Когда маленьким был, мы это называли падающей звездой. Я, было дело, думал, если увидишь такую, получишь то, что загадал. Ну, знаете, вроде как все, о чем мечтал, сбудется?

Она обернулась, взглянула на него. На лице ее читалась сплошная мягкость. Может, ей и в голову никогда не приходило, что бомжи тоже были маленькими. Или, как и все, желали, чтобы их мечты сбывались.

– Вас, – сказала она, – не тошнит от моментов вроде этого?

– А что это за моменты, мэ.м?

– Когда появляется ощущение, будто все мы одинаковые?

– Нет, мэ.м. Мне это нравится.

– Ладно, счастливо.

– Мэм?

– Да?

– Я сегодня получаю первую зарплату. И пойду сниму дешевую комнату. Чтоб у вас под ногами не путаться. Ваш малец не пожалеет, что силы на меня потратил. Думаю, и вы тоже. Я сделаю то, что мне положено. Понимаете, передам добро по цепочке.

Она долго стояла, словно раздумывая: то ли спросить о чем-то, то ли нет. И решила:

– Может, объясните мне про это? Как эта штука «заплати другому» устроена?

Джерри аж глазами захлопал от удивления:

- Он вам не рассказывал?
- Я толком и не спрашивала.

Из книги «Говорят знавшие Тревора»

Так я, значит, объяснил ей про «заплати другому». Нашел палку. И начертил прямо по грязи. В темноте. Нам обоим щуриться приходилось, чтобы разглядеть. Было холодно, но у нее было из чего выбрать. Могла бы дома в тепле сидеть. Тут есть разница. Откуда мне знать, почему?

Я начертил эти самые три круга. И разъяснил про них. Как мне малец разъяснял.

– Видите, вот это я. А эти два, я не знаю. Двое других, наверное. Кому он собирается помочь. Видите, фокус в том, что это что-то большое. Большая помощь. Вроде как то, что вы не любому и не каждому сделаете. Может, своей матери или сестренке. Но никому другому. Малец сделал это для меня. Я должен сделать это для трех других. Те двое должны сделать это для троих других. А те девять тоже должны помочь троим. Каждый. И получится двадцать семь.

Я, положим, с арифметикой не очень-то в ладах. Зато малец, он все сообразил. Это и впрямь много людей и быстро распространяется. Вроде как и поверить невозможно, до чего быстро. Счет на тысячи, а времени – совсем ничего.

Я, значит, на коленях стою. Рисую эти кружки по грязи. Считаю по три. Уж и чертить негде. Вы не поверите, как быстро место закончилось. И, знаете, оно опять пролетело. И мы вдвоем видели это. Большую комету или что-то там еще. Я рассказывал про первую комету, что мы видели? Небось рассказывал. Так мы и другую увидели. Падающую звезду. Падающую, сгорающую – я не знаю. Только я в жизни не видел две сразу в одну ночь. Как-то жутковато было.

Вот мы смотрим на эти круги, думаем, каким классным могло бы стать все это. Вот только не станет. Потому ведь, как сказать, мы все знаем, что этому не бывать. Потому ведь люди, они не хорошие. На самом деле они не станут платить другому. Помощь от тебя примут – и на том шабаш.

Я знаю, мы оба, и она, и я, думали так. И тут небо снова осветилось. Эта – большая комета. Вторая, я имею в виду. Я не говорю, что третья прилетела. Может, я выразился так, что можно было подумать. Только, короче, – две. Это много. Жуть.

Знаете, мир там большущий. Больше, чем мы думаем.

Потом дама принимается рассказывать мне, как трудно ей разговаривать с мальцом. Я ушам своим не верил. Рассказывает мне. Мне. Говорит, что пацан в этом – вылитый отец. Трудно его расспрашивать. Не в силах беситься на него. Не желает, чтоб выглядело так, будто она ему не доверяет. Вот все и идет само по себе. Просто она это позволяет. И все это она мне рассказывает. Это ж вроде как мы с ней... ну, я не знаю... доверительно общаемся. В первый раз. Про всякую всячину говорим. Это было до того поразительно. Я сказал, что собираюсь свершить большие дела. Может, для кого-то другого они и не большие. Но мой отсчет – вот отсюда, от того, где я есть. Сниму себе квартиру. Стану ездить на «Додж-Дарте». Она сказала, что могу ее «Додж» взять. За бесценно. Я опять ей рассказал, как наступил день зарплаты. Зарплаты. День, меняющий все.

Время шло, а мы принимались обсуждать то, о чем уже говорили. Снова и снова. Но мне все равно нравилось. Вскоре она уехала домой. Только ночь сделалась как бы... другой. Будто бы... не такой... знаете ли... холодной. Или что-то в этом духе.

...

В девять тридцать он получил чек с зарплатой. Работать в тот день было не надо и на следующий день тоже. Так что чек он отнес в банк.

Получил на руки больше сотни долларов наличными.

Пришла пора купить ботинки.

Он постоял на автобусной остановке. Слишком долго. Но день был чудесный. Можно было пешочком пройтись до «Кмарта»¹⁰. Прогуляться со всеми деньгами, с толстой пачкой в кармане. Он все это заработал! Полностью новый день. Кометы в ночи, кто знает?

Потом он зашагал мимо «Стэнлиз», маленького бара, который когда-то ему нравился. Подумал, чудесно было бы пива выпить. Отличный день, полный карман денег. Если нельзя минуточку поспрадовать, тогда зачем? Тогда для чего это все?

И он был прав. Пошло и в самом деле чудесно.

К тому же пару ребят увидел. Кого знал, когда еще крепко на ногах стоял. А теперь вот опять на них наткнулся. И им незачем знать про него что-то другое. Им хотелось узнать, куда это он пропал. В Сан-Франциско, сказал Джерри, потому что ему всегда хотелось попасть туда.

Заказал ребятам по пиву, чтоб знали, что он может себе это позволить. Так что они видели, как он вытащил из кармана пачку, как лихо развернул ее. Заказал еще по одному, чтоб они видели, что спешить ему некуда. Не было такого места, где ему на самом деле надо было быть.

Да, сэр. Точняк – новые времена.

Они сыграли партию-другую в бильярд, на деньги. Потом один из них позвонил Тито, прежнему их приятелю. Сообщили, что Джерри при бабках. «Кати сюда», – сказали.

Он прикатил. Кое с каким товаром.

Сказал Джерри:

– Знаю, ты ищешь, где бы купить. Только не говори мне, что вкус к дури потерял.

– Больше никогда, – ответил Джерри.

– Ой, да ладно.

Они еще поиграли на бильярде. Остальные трое отправились в туалет – ширнуться. Показалось, что так нечестно. Они могут, а он нет, какая тут честность?

Какой, я говорю, прок на самом-то деле? Почему весь новый мир сплошь опутан правилами? Что, даже душевно почувствовать себя нельзя? Да бери, что хочешь! Вот и выпил он еще пива, а Тито тут как раз и вернулся. Джерри сказал, мол, разве что косячок за десятку. Большой беды не выйдет. Не так-то и много, чтобы на ботинки не осталось.

День был выходной. В конце концов. Пришлось шприц у Тито одолжить, своего не было. Не подозревал, до чего ж не хватало этого маленького жала, жала иглы, пока опять не почувствовал его.

Потом настала пора закрывать заведение. Это как так? Только что, минуту назад, вчерашнее утро было. Что за день сейчас?

Потом, позже, целый день в «Стэнлиз» просидел, кофе пил. Уже голодный, со щетиной на лице. Мутило. Чувствовал себя отвратно.

Завтрак был бы очень кстати. Но купить не на что: последнее потратил на чашку кофе.

Дважды залезал глубоко в карманы, да что толку-то? Те деньги, что были, все вышли.

---

¹⁰ Kmart – сеть розничных магазинов в США, торгующих промышленными товарами.

Глава 6

Рубен

В понедельник утром, зайдя в класс, он увидел, что Тревор уже там. Сел на первый ряд, чего раньше никогда не делал. Они обменялись короткими взглядами, и Рубен почувствовал: мальчика тянет на разговор.

- Тревор, что у тебя на уме?
- Мистер Сент-Клер! Вы женаты?
- Нет. Не женат.
- И никогда не жалели, что не женаты?

Рубену припомнилась мать Тревора, стоящая у него в классе, припомнилось сказанное ею, когда он заметил, что ее сын очень честен и прям: «Да-а, он весь из себя такой, правильно. Только вы так говорите, будто это добродетель». Вообще-то Рубен частенько вспоминал мать Тревора. Самым неожиданным образом, вне всякой видимой связи она вторгалась в память. Таким же грозным облачком, каким однажды утром залетела к нему в кабинет.

- Это трудный для ответа вопрос, Тревор. Я имею в виду, что есть брак и брак.
- Как это?
- Есть браки хорошие и плохие.
- Вы хотите иногда, чтоб у вас был хороший?
- Ладно, сдаюсь. Ты это все к чему?
- Ни к чему. Просто спрашиваю.

В класс забрела Мэри Энн Телмин. Ничего удивительного, что она тоже заявила с утра пораньше. Девочка была единственной из остальных учеников, которая, Рубен был уверен, возьмется за выполнение задания, поскольку как-то после уроков она осталась и долго-долго расписывала свою затею. Переработка отходов. Девочка она симпатичная и смышленная, пользовалась успехом, белокожая и очень способная, заводила в любой группе поддержки. Рубен старался относиться к ней без всякой предвзятости. Однако в ее отношении к предмету, который вел учитель, и к заданию, похоже, не хватало искренности, зато хватало показухи, что напоминало ему: работа Тревора оставалась тайной. И, может статься, разумной тайной. «Заплати другому». Ему стоило бы порасспросить об этом, пока остальные ученики не собрались, но любопытство Тревора сбило его с толку.

...

После урока Тревор выходил последним, и Рубен, подняв руку, задерживая его, уже было открыл рот, чтобы окликнуть мальчика по имени. Только Тревор оказался проворнее.

– Хочу снова с вами поговорить, – заявил он, поворачиваясь и останавливаясь перед столом Рубена. Засунув руки глубоко в карманы, он ждал, пока не уйдет последний ученик. Легкое беганье глаз и небольшое покачивание на каблуках что-то значили, но Рубен не был уверен, что способен правильно понять значение этого. Нервничает парень немного, возможно.

- Наконец, убедившись, что они остались одни, Тревор сказал:
- Моя мама хочет знать, не смогли бы вы прийти к нам завтра поужинать.
  - Это она сказала?
  - Ага. Она так сказала.

И то малое в Рубене, то, что он никогда не мог укротить должной выучкой, рвануло навстречу доброте, как он ни берегся. Только даже сердце Рубена сумело уловить: что-то не сходится.

– Почему она хочет пригласить меня на ужин?

– Не знаю. А что такого?

– Я ей не очень-то понравился.

– Вы знакомы с моей мамой?

– С ее нравом я познакомился, да.

– Ну-у... может, она хочет поговорить о Джерри. Джерри мой приятель. Он часть моей затеи. А ей он не нравится. Совсем. По-моему, мама, знаете ли, хочет, чтоб вы помогли ей. Как бы разобраться. В этом.

Теперь приглашение в сознании Рубена обрело смысл, совпадающий со всем остальным, что ему уже было известно.

– А почему бы нам, родительнице и учителю, не переговорить с глазу на глаз здесь, в школе?

– А-а. Здесь в школе. Вот. Я спросил. Но она сказала... знаете ли, ей на работе так тяжело достается, и всякое такое. На двух работах. Просто она сказала, что было бы здорово, если б вы пришли к нам.

– Что ж, полагаю, так тому и быть. Во сколько?

– Э-э. Мне нужно уточнить. Я завтра скажу.

...

На следующее утро, рано, еще до начала занятий, это снова произошло. Молния ударила дважды в одно и то же место.

Она снова была в гневе, и Рубен гадал, удастся ли ей когда-нибудь побыть спокойной между двумя вспышками. На этот раз он не успел и рта открыть, поскольку ее гнев был заранее собран воедино, и оставалось его только выплеснуть. Рубен восхищался этим. Завидовал, если честно, его, может быть, даже подмывало попросить дать ему несколько уроков. Она смогла бы хорошо преподавать праведное негодование людям вроде Рубена, у кого в этой области не имелось никаких способностей.

И она была красива, но не той красотой, что причиняла ему боль.

– Вы почему сказали моему сыну, что мы должны встретиться в моем доме?

– И не думал. Я вообще не говорил, что мы должны встретиться.

– Не говорили? – Ее атака, захлебнувшись на скаку, явно смешалась, гнев, вдруг обретя ответственность, вдрызг разлетелся, потеряв всякую цель. – Тревор велел мне приготовить фахитас¹¹ из курицы, потому что вы придете к ужину. Потому что вы хотите поговорить со мной про его затею.

– В самом деле? – Интересно. – А мне он сказал, что *вы* пригласили *меня* на ужин, и, как он считал, потому, что *вы* хотели поговорить со *мной* о работе над заданием.

– Ну, черти веселые, и что же это он тогда творит? – воскликнула она отрешенно, словно Рубена и не было рядом.

– Может быть, он хочет поговорить о том, что делает, с нами обоими.

– Но почему не тут, в школе?

– Он сказал, что вы заняты на двух работах, и мне легче прийти к вам.

– Я же тут, разве не видно?

– Я только передаю слова Тревора.

---

¹¹ Блюдо испанской и мексиканской кухни, вид жаркого со специями.

– А-а. Хорошо. Зачем же тогда он старается заманить вас?

Высказать это было рискованно, но Рубен решил: он, наверное, все же попробует. Скорее всего, она опять разойдется, но не беда, поскольку ее гнев его не донимал. Он был чистым и открытым, а его приближение можно было всегда различить.

– Вчера утром он спросил, женат ли я. А потом спросил, не хотелось бы мне жениться.

– И что?

– Я просто рассуждаю.

– Вероятно, ему было просто любопытно. Я вам говорю, этот ребенок знать не знает, когда надо рот на замке держать.

– Просто я подумал...

– Что?

– Просто я подумал, что Тревор пытается свести нас.

– Нас?!

Она, похоже, застыла на месте, все чувства разом отразились на лице, в ожидании, когда с ними разберутся. Еще один риск, еще одно уродство, в каком он себя открыто показал. «Нас?! Вы, верно, шутите».

– Я сознаю, что мы – самая невероятная пара на свете, но ведь, в конце концов, он всего лишь мальчик.

Он следил, как она, преодолевая себя, неуклюже выбиралась из столбняка, вновь обретая способность говорить.

– Тревор никогда бы не сделал такого. Он знает, что его папка вернется домой.

– Всего лишь предположение.

– Вы почему вообще сказали, что придете ужинать?

– Почувствовал себя виноватым после вашего ухода в прошлый раз. Вы просили меня помочь разрешить трудности, возможно, порожденные моим заданием. Боюсь, я отнесся к этому без должного внимания.

Косой луч утреннего солнца, ворвавшийся через окно, охватил Арлин, превратив в самый яркий объект в классе. Он сияющей полоской улегся на обнаженное тело между юбкой и коротенькой кружевной безрукавкой. Незагорелая, беззащитная кожа, как у фарфоровой куколки. Что-то хрупкое, отправленное на полку из опасения, как бы не разбилось в руках. Она казалась такой беззащитной... пока не открывала рот.

– Я знаю, что не нравлюсь вам.

То было последнее, что Рубен ожидал услышать от нее, тем более что сам уже восхищался ею. Он почти всегда ощущал свою прозрачность, и все же окружающие, похоже, никогда не понимали его намерения верно.

Даже на близком расстоянии.

– Что дает вам основание так думать?

Она издала тот же звук, тот же грубый всхрип.

– Сами ж только что сказали, что мы – самая невероятная пара на свете. А что это означает, как не то, что вы смотрите на меня свысока? – «Это значит, я считаю, что вы смотрите на меня свысока. Это значит, я понимал, что вы так думаете, вот и вынужден был сказать так». Только у Рубена духу не хватало выговорить такое в ответ, а потому Арлин продолжала: – По-вашему, я слишком тупа, чтобы разглядеть, как вы на меня высокомерно поглядываете? Что ж, может, и нет у меня вашей образованности и говорить я правильно, как вы, не умею, только это не значит, что я глупа.

– Никогда не говорил, что вы глупы.

– А вам и незачем было.

– Никогда этого и не думал. Мне и в голову не приходило исчислять, сколько в вас образованности. По-моему, на этот раз вы чересчур чувствительны.

– Какого черта вы знаете про то, что я чувствую?

– Когда доходит до сверхчувствительности, так я что-то вроде спеца. Короче, ничего из этого мной не предлагалось и, если вы не желаете видеть меня у себя дома, я не приду.

– Э-э, нет. Знаете, что? Так тому и быть. Сказать правду... – Рубен понял по ее заминке, по тому, как напряглось лицо, что если она завершит эту фразу, то поделится с ним чем-то нелегким. Чем-то, что трудно поведать другому, а в особенности ему. – Сказать правду, не так-то мне легко дается поговорить с ним. Могла бы помощью воспользоваться. В шесть часов?

Из книги «Говорят знавшие Тревор»

Я пошел к ней домой. Чего-чего, а такого я не ожидал. К ней домой. Вообще-то, всего этого, но в данном случае – к ней домой. И это заставило меня пересмотреть собственные ожидания и признать, что, по-видимому, я немного и впрямь был повинен в том, что взирал на нее свысока. Хотя, Богу ведомо, я этого никак не желал.

Дом был скромненький, но безупречно чист изнутри и снаружи, обустроен и обихожен. Ни единый росток не пробивался сквозь гальку подъездной дорожки. Ни единого подтека на белых оконных рамах. Не считая покореженного грузовика, торчавшего перед входом, все остальное в ее домашней ипостаси вызывало в памяти выражение, которое моя мать использовала применительно к себе: домом гордая.

Никак не ожидал, что она напомнит мне о матери.

Вообще я прилично нервничал. Ее дом напоминал мне о гордыне, парившей за вспышками гнева. От этого возникало ощущение, будто меня одолели, ошеломили, словно бы я все силы растерял, ступив на газон у ее порога.

Она встретила меня в дверях, мучительно красивая. Надела такое пышное ситцевое цветастое платье, словно на полном серьезе принимала гостей к ужину. Я вошел в гостиную, держа в руке цветы, которые все никак не решался вручить. Озноб сковал. Все части тела. Жутко много времени прошло, прежде чем кто-то из нас осмелился о чем-нибудь заговорить.

А потом, слава богу, появился Тревор.

...

Как только Арлин убрала со стола тарелки, Тревор сбегал в свою комнату и принес калькулятор. Он отказывался объяснять задуманное им в течение всего ужина, потому что, по его словам, очень трудно что-то показать без калькулятора.

– Все это началось с того, чему меня папка научил.

При этих словах Арлин наострила уши и пододвинула кресло, словно собиралась смотреть на калькулятор через плечо сына.

– Помнишь ту загадку, которую он показывал? Помнишь, мам?

– Ну, я не знаю, милый. Он знал кучу загадок.

Тепло исходило от приятно наполненного желудка Рубена. Он смотрел через стол на них и ощущал поразительную расслабленность. Принесенные цветы стояли в вазе на столе. Не розы: это было бы слишком личным, было бы чересчур. Букет, составленный из высушенных цветов, таких солнечных, вроде ромашек, он вручил с извинением за то, что первое впечатление, произведенное им, было безрадостным. То, чему предназначалась роль дружеского жеста, смутило ее и у обоих вызвало ощущение неловкости. Вручив цветы, он совершил ошибку, которую, если бы смог, забрал бы обратно, а каждый взгляд на букет в фарфоровой вазе напоминал ему: нет, не смог бы.

– Помнишь ту, про работу на тридцать дней?

– Нет, Тревор, кажется, не помню.

Голоса доносились до Рубена как бы издали, он чувствовал, что постепенно становится отстраненным от происходящего.

– Помнишь, он спрашивал: если работать на кого-то тридцать дней и иметь выбор – получать по сто долларов в день или получить один доллар в первый день, а потом каждый следующий день плата будет удваиваться – что лучше выбрать? Я выбрал по сто долларов в день. А он сказал, что я проиграл. Вот я и посчитал на калькуляторе. Сто долларов в день за тридцать дней принесли бы три тысячи. Зато, если удваивать доллары ежедневно, то получишь в последний день больше пятисот миллионов. О разнице между этими суммами нечего и говорить. Вот так я и придумал идею для задания мистера Сент-Клера. Понимаете, я делаю что-то по-настоящему доброе для трех человек. А потом, когда они спрашивают, чем могут расплатиться, я говорю, что им придется *заплатить другим*. Еще трем людям. Каждому. Вот и получают помощь девять человек. Потом и им придется сделать добро – двадцать семь раз. – Мальчик обратился к калькулятору, показал несколько чисел. – Потом это вроде как расширяется, понимаете. До восьмидесяти одного. Затем двести сорок три. Следом семьсот двадцать девять. Потом две тысячи сто восемьдесят семь. Видите, как много становится?

– Но, милый. Есть одна маленькая трудность.

– Какая, мам?

– Уверена, мистер Сент-Клер объяснит тебе.

Рубен вздрогнул, услышав свое имя:

– Я?!

– Да. Скажите ему, что не так в его замысле.

– По-моему, твою маму расстраивает то, что, хотя само по себе желание помочь Джерри хорошее, она... обеспокоена. Ситуацией в целом.

– Нет-нет. Не то. Тревор, я знаю, что отчитывала тебя за Джерри, но потом мы с ним долго говорили. Возможно, на его счет я ошибалась. Он приятный и милый человек. Кроме того, думаю, у него уже есть где жить. Уже несколько дней не показывался.

Тревор опять наморщил лоб и выключил калькулятор.

– Как сказать. Его типа арестовали.

– За что? – вдруг воскликнула Арлин, и голос прозвучал озадаченно. Рубен уловил в ее мгновенной вспышке подлинное огорчение, ощутил какую-то тоненькую связующую нить между ней и этим безликим человеком. Что-то, что, возможно, побудило ее – всего на миг единый – оказаться в команде Джерри.

– Точно не знаю. Я проходил мимо его работы. Там сказали, что он так и не вернулся после того, как получил зарплату. Сказали, что его взяли за какое-то там нарушение.

– Милый, мне жаль. Видишь, это то самое, что мистер Сент-Клер начал объяснять тебе.

Рубен снял салфетку с колен и бросил на стол. Это привычное обыкновение между Арлин и ее сыном, оно не только стало ему убийственно понятным, оно заодно и выходило ему боком. Вот, сыночек, мистер Сент-Клер, который расскажет обо всем, о чем ты и слышать не хочешь. «Простите, мисс Маккинни. Если хотите, чтобы сын поверил, будто люди в основе своей эгоистичны и безответственны, то придется вам самой убеждать его в этом». Он улыбнулся плотно сжатыми губами и покачал головой, не говоря ни слова.

Она жгла его взглядом, который сгорал в молчании. Только он уже не боялся гнева или вознамерился доказать это и ей, и себе самому, а вместо этого разглядел, что глаза у нее карие, почти одного цвета с короткими, по-детски пушистыми волосами.

– Ну что ж, Тревор, – произнесла она. – По-моему, это хорошая затея. Расскажи о ней побольше.

И Тревор принялся объяснять, помогая себе калькулятором, каким огромным делом это могло бы стать. Где-то на шестнадцатом уровне, на котором было уже вовлечено сорок

три миллиона сорок шесть тысяч семьсот двадцать один человек, калькулятор оказался не в состоянии подкреплять оптимизм Тревора числами. Только мальчик был убежден: еще немного, и числа окажутся больше, чем население мира.

– Тогда, знаете, что произойдет?

Арлин взглянула на Рубена, но тот и не думал догадываться, желая услышать ответ от Тревора, мозг которого явно работал вовсю.

– Нет, милый. Что?

– Тогда каждому помогут больше одного раза. И тогда добро станет разрастаться еще быстрее.

– Вы как думаете, мистер Сент-Клер? – Арлин явно хотела, чтобы Рубен хоть что-то сказал, но у него с каждой минутой убывала уверенность в этом «что-то».

– По-моему, Тревор, это благородная идея. Большое усилие. Большие усилия ведут к хорошему результату. Как ты относишься к тому, что Джерри арестовали?

Тревор вздохнул. По выражению лица Арлин Рубен понял, что наконец-то верно справился с возложенной на него задачей.

– Ничего страшного, думается. Вот только мне придется все заново начать, вот и все. Все в порядке, в общем-то. У меня уже другие идеи есть.

– Какие, например, милый? – спросила Арлин сладеньким голоском, к которому всегда прибегала, когда расспрашивала собственного сына.

– Это секрет. Можно я пойду?

Арлин опять перехватила взгляд Рубена, моля о чем-то. Слово бы не могла попросту сказать: «Нет, молодой человек, мы еще тут не закончили». Учитель только плечами пожал.

– Ладно, тогда беги, милый.

Тревор ринулся к спальне, но, когда он катил мимо Рубена, тот мягко ухватил мальчика за рукав и притянул к себе так близко, чтобы сидевшая через стол Арлин, как он надеялся, не услышала.

– Тревор, нельзя сдирижировать любовь.

– Что такое «сдирижировать»?

– Нельзя сделать так, чтобы она захватила кого-то другого.

– Это как-то связано с музыкой?

– Не всегда.

– А-а. Нельзя, да? То есть. А-а. Ладно. Впрочем, это не было моей идеей. Во всяком случае.

– Просто проверяю.

Рубен отпустил рукав, и мальчик исчез.

Рубен увидел, как в пристальном взгляде Арлин возгорается смесь из напряжения, гнева и ракетного топлива, к которой он начинал привыкать, считая это милым.

– Что вы ему сказали?

– Секрет. Вы позволите, я пойду?

Из дневника Тревор

Мама с м-ром Сент-Клером нравятся друг другу. Я точно знаю. Но сообразить не могу, почему они не понимают? Это ж так ясно, хочется как бы встряхнуть их и сказать: «Да признайте же это!» М-р Сент-Клер ей здорово бы подошел, по-моему. По-моему, он все сердце отдаст тому, кто скажет: «А знаешь, та половина лица, что у тебя есть, прелестна». Ну, знаете, типа стакан наполовину полон, вместо, ну, вы понимаете. У него на лице – одна печаль. По-моему, не будь этого, он охотнее признавался бы, что ему кто-то нравится. С другой стороны, у мамы лицо классное, а она тоже не признается. Поди разберись!

Что, если бы мир и в самом деле изменился из-за моей затеи? Крутейшая бы штука вышла, а?! Тогда бы все сказали: «Кому какое дело до его лица, он лучший в мире учитель – вот в чем суть». Было бы круто!

Думаю, лучшее достижение в моем плане это миссис Гринберг. Джерри под арест попал, а м-р Сент-Клер говорит, что нельзя сдирижировать любовь. Звучит так, будто я пытался палкой во все стороны махать или еще что. Однако пока такое впечатление, что он как бы прав.

Кабы не садик. Садик от всей этой дирижерской ерунды никуда не денется.

Глава 7

Миссис Гринберг

Ее покойный муж, Мартин, верил в чудеса, только рак его все равно прибрал. С тех пор как супруг ушел, миссис Гринберг старалась вновь привнести эту веру, считая ее естественной для семьи, которой небесами предназначено жить в серо-голубом доме.

И в этот вечер, впервые за много лет, чудо сидело рядом с ней на садовых качелях, пока она потягивала охлажденный чай. Чудо улыбалось ей и сквозь нее, а она отвечала улыбкой.

Чудо в образе ее садика.

В последнее время ей стало сниться, как она, очнувшись, потянется, расправит, превозмогая боль, пораженные артритом суставы, усядется поудобнее у окна и увидит, что, как по волшебству, садик вновь стал единым целым. И вот в сумерках прохладного весеннего вечера сад – одно целое. Кусты подстрижены, трава покошена, клумбы выложены свежей кедровой щепой, заново выровнены граблями, мешки с опавшими листьями и обрезками веток сложены у обочины и станут достоянием истории в день вывоза мусора.

Нельзя сказать, чтобы чудо было неожиданным, потому что она изо дня в день следила за тем, как соседский мальчик все это делает. Всего на голову выше него, она стояла рядом и показывала переплетения в розовых кустах, которые умоляли их проредить, и где опрыскивать, чтобы избавиться от тли, и на пробившиеся сорняки, и на почвенный покров, которому требовались подкормка, полив для возможности расцвести.

Однако у чудес находятся посредники, решила она, и после заметила, что в этот вечер охлажденный чай на вкус слаще обычного, хотя и готовила она его в точности как всегда, что от холодного стакана руки не так ломит артрит, как то было привычно.

И, словно бы заглушая эту совершенную гармонию как раз в тот момент, когда она обрела ее, на дорожке появился ее сын, Ричард Грин, регулярно навещавший ее – раз в два месяца.

Как у женщины по фамилии Гринберг оказался сын с фамилией Грин, было выше ее понимания, однако таково было его узаконенное имя, хотя им она никогда его не называла. Сын отрекся от фамилии отца, ее покойного мужа, словно бы стыдился, и мысль об этом пронзала голову в точности как мигрень, всякий раз внедряясь в мозг и готовя место для последующей изнурительной боли. Сын вышагивал на манер Джеймса Дина¹² (или хотя бы похоже на того), выставляя напоказ все свое «я» без всякого изящества. Каждый раз, являясь с визитом, он все больше и больше походил на Элвиса с его большущими непослушными бакенбардами. Даже в прохладный весенний вечер он был одет в ужасную обтягивающую мышцы майку-безрукавку (не слишком-то уместную при волосатых плечах) и, несмотря на убывающий свет, носил солнцезащитные очки.

Ричард был смысленный, блистательный мальчик¹³, но, похоже, без всякой отдачи, не то что соседский мальчишка, который при совершенно простой внешности и средних умственных способностях все же производил обратное впечатление той самой своей готовностью быть там, где в нем нуждались.

В свои сорок два Ричард не был человеком усердным, не был он и серьезным (если не считать серьезностью встревоженность), да и не особо был расположен к веселью или помощи. Но, возможно, интеллект не связан с весельем и усердием, вот только очень жаль,

---

¹² Джеймс Байрон Дин (1931–1955) – американский актер, исполнитель главных ролей в трех кинофильмах («К востоку от рая», «Бунтарь без причины» и «Гигант»), которые вышли в год его смерти. В этих картинах молодой актер представил сложный образ молодого человека с душевными терзаниями, запинаящейся речью и пробуждающей чувственностью.

¹³ Аллюзия на песню «Brilliant Boy» американской рок-группы «The Rentals», популярной в середине 1990-х гг.

что уже поздно хоть на что-то променять мозги Ричарда. Похоже, их единственная подлинная цель состояла в том, чтобы терять любую работу, за какую он когда-либо брался: сын мнил себя с избытком способным для всего на свете. А у матери больше не было денег, чтобы одалживать ему, да и не стала бы она делать этого, даже если бы они и были.

Он встал на ступеньке крыльца, держа сигарету между кончиками согнутых пальцев.

– Привет, мам.

– Ну как? Что скажешь?

– О чем это?

– О садике.

Он круто повернулся на каблуках кожаных, двухцветных сапог и вздернул темные очки на голову, где уже начали редеть волосы.

– Проклятье. Ты заплатила кому-то. Я ж тебе говорил, что сделаю.

– Я не платила.

– Сама, что ли? Не смейся. Ты и руку-то в кулак не сожмешь.

– Соседский мальчик потрудился безо всякой платы.

– Очень смешно.

– А он – сделал.

– Это, должно быть, столько часов заняло.

– Он днями работал. Тебя как-то не случилось поблизости.

– Я говорил, что займусь.

– Говорил. Да. Вот только не сделал.

– Проклятье.

Он прошел в дом, включил телевизор, где шел повтор сериала «МЭШ»¹⁴, и, хотя мать бросила вслед просьбу потушить сигарету, он не услышал – или сделал вид, что не услышал.

И, когда она вошла следом и обшикала всю опрятную гостиную освежителем воздуха с ароматом хвои, он принялся горько жаловаться на запах, уверяя, что тот вызывает у него кашель.

...

Сначала Тревор просто заглядывал поговорить, что уже было хорошо, миссис Гринберг и не ждала большего.

Она оказалась ближе к концу маршрута развозки газет, и мальчик немного подправил его, чтобы ее дом оказался самым последним. Он оставлял большой, тяжелый старый велосипед по ее сторону дороги, на газоне, приносил газету прямо к двери и стучал, наперед зная, что для нее это послужит сигналом выйти и забрать газету.

Миссис Гринберг настолько понравилась вдумчивая забота мальчика, что она всегда предлагала ему прохладительной вишневки, которую специально покупала для него, и он сидел за кухонным столом и беседовал с ней. Больше всего о школе, футболе, а потом о какой-то особой затее, которую придумал для занятий по обществоведению, о том, что ему нужны люди, которым он мог бы помочь, а она сказала, что у нее в садике надо бы поработать, а платить много она позволить себе не может.

Мальчик заявил, что платить вовсе не придется, а другим надо будет заплатить не обязательно деньгами, если только у нее их не полным-полно. Потом он нарисовал какие-то круги на кусочке бумаги, в одном из которых значилось ее имя, и объяснил, что такое «заплати другому».

---

¹⁴ Телесериал по одноименному роману (1968) Ричарда Хукера (наст. имя. Ричард Хорбергер; 1924–1997), рассказывающий о работе врачей в полевом госпитале во время войны в Корее.

– Это похоже на случайные проявления доброты, – сказала миссис Гринберг, но мальчик не согласился. Не случайные, совсем нет, в том-то и красота всей задумки, встроенной в прелестную схему сделки.

Было туманное субботнее утро, когда мальчик пришел (ровно в шесть, как обещал), и они стояли во дворе, возле старого домика, с которого шелушилась серая и голубая краска, и вдыхали запах сырого воздуха, а капельки с дубов над головой, падая, холодили, пробираясь до самых корней волос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.